

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Л.Г. Ионин

**О ПРИНЦИПАХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ОБЛАСТИ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ**

Препринт WP14/2010/03

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2010

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

И75 **Ионин, Л. Г.**
О принципах современной политики в области семьи и демографии* : Препринт WP14/2010/03 [Текст] / Л. Г. Ионин ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 60 с. – 150 экз.

Проблемы семьи и демографии выходят на передний план дискуссий в социальных науках прежде всего по причине наличия тревожных тенденций в этой сфере: падения рождаемости, бесконтрольной иммиграции, роста беспризорности, провалов социальной политики, ухудшения семейной морали и т.д. В статье исследуются сформулированные в русле либеральной и социал-демократической идеологий концептуальные основания современной социальной политики в области семьи и демографии. Автор показывает, что как нынешняя идеология семьи, так и социальная практика государств, несмотря на прокламирование первостепенной роли семейных ценностей и защиты семьи, на деле ведут к разложению семьи и чреваты серьезными, а может быть и катастрофическими последствиями для национальной и культурной идентичности стран Запада, а также и России.

УДК 316.36
ББК 60.56

* Работа выполнена при финансовой поддержке Института общественного проектирования (Москва)

Ионин Л.Г. – профессор Государственного университета – Высшей школы экономики

Препринты Государственного университета – Высшей школы экономики размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Ионин Л. Г., 2010
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета –
Высшей школы экономики, 2010

Семья по умолчанию и опции семьи

Существует некий набор общих принципов, выражающих современные представления о семье, характерные для европейской культуры, к которой относятся также и Россия, и Америка, и многие другие регионы и части света. Эти принципы составляют также основу современного семейного права.

Первый и главный из них – это *равноправие* партнеров в семье независимо от расы, религии, национальной принадлежности, а также пола партнеров. Второй – *единобрачие* (моногамия). Значимости этого принципа нельзя недооценивать. Он регулирует отнюдь не сексуальные отношения в браке, как это иногда представляется легкомысленному юношеству, а экономические отношения и управляет процессами наследования и межсемейными и межродовыми взаимодействиями. Третий принцип – свобода и *добровольность* заключения и расторжения брака. Четвертый – *взаимность* в семье, то есть обязанность членов семьи оказывать материальную и моральную поддержку друг другу. При определенных обстоятельствах этот принцип может рассматриваться не только как моральное предписание, но и как правовое обязательство. И, наконец, пятый принцип – это *защита* семьи со стороны государства, подразумевающая недопустимость вмешательства кого-нибудь в дела семьи, а также при необходимости социальную поддержку семьи.

Эти принципы сложились в процессе многовековой эволюции семейных отношений и более или менее соответствуют реальному состоянию современной семьи. Это сочетание фактических характеристик семьи и нормативных представлений о семье в современном обществе. Мы подразумеваем примерно этот набор характеристик, когда в разных ситуациях произносим слово «семья», когда говорим «современная семья», или «буржуазная семья». Семья, соответствующая этим принципам, – это, фигурально выражаясь, *семья по умолчанию*. Когда далее в этом тексте будет употребляться слово «семья», ясно, что речь идет о семье по умолчанию.

В то же время в современном обществе существуют иные семейные формы, как традиционные, так и новые. О традиционной семье мы подробно скажем далее. Новые же семейные формы, которые в определенном смысле являются развитием семьи по умолчанию и в которые индивид вступает путем свободного выбора, можно назвать *опционной*, или *альтернативной* семьей.

Сначала охарактеризуем детальнее семью по умолчанию. Прежде всего, это так называемая *нуклеарная* семья. Еще ее называют иногда *обычной* семьей. Это муж и жена с детьми или без детей, живущие *отдельно от родителей*. Они обладают полной самостоятельностью и организуют свою жизнь так, как хочется им самим, а не их родителям и другим родственникам. Считается, что в такой семье складываются наилучшие условия для самовыражения и проявления способностей и личностных качеств супругов. Нуклеарная семья — это нормальная для сегодняшнего дня и самая распространенная ныне семейная форма. Кроме того, это сравнительно новое явление. Такая семья возникла и стала преобладать только в XX веке. Это оказалось возможным благодаря достижению определенного уровня благосостояния и социально-экономического развития. Традиционная большая патриархальная семья была, как правило, самообеспечивающейся экономической единицей, живущей *натуральным хозяйством*. Переход к *рыночной экономике* и рост производительности труда создали возможность существования малой, то есть нуклеарной, семьи. В результате интересы членов семьи оказались ориентированными не только на семью как таковую (так было в традиционной семье), но и в значительной степени и на внешний мир, ибо именно внешний мир (а не семейное хозяйство) стал источником ресурсов поддержания жизни семьи. Кроме того, нуклеарная семья предполагает как минимум наличие отдельного дома или квартиры, что также стало возможным для большинства населения лишь в XX столетии.

Противоположностью нуклеарной семьи является *традиционная патриархальная большая* семья, состоящая из двух и более супружеских пар (родительская пара и дети со своими семьями). Фактически это *род* со многими чертами жизни, присущими ранней родовой организации, в частности с огромной домашней властью главы рода и благоговейным соблюдением законов и принципов родства. Такая семья относительно распространена в местах расселения этнических групп, сохранивших архаичные черты родовой организации, в Рос-

сии в основном на Северном Кавказе, в некоторых регионах Южной Сибири, иногда на Русском Севере. Даже если такая большая семья распадается, то есть члены ее перестают жить вместе и разъезжаются по отдельным квартирам, то в эмоционально-психологическом смысле она еще долгое время продолжает существовать: семейные и родовые идентификации все равно продолжают играть определенную роль в жизни ее членов.

Заметим в скобках, что именно это означает на практике *господство семейных ценностей* и их приоритет по отношению к ценностям любого иного происхождения. У нас любят ссылаться на результаты социологических исследований, согласно которым у подавляющего большинства граждан России первое место (или, по крайней мере, одно из первых мест) на шкале ценностей занимают ценности семьи. Граждане действительно именно так отвечают на вопросы социологических анкет, но социологам следовало бы не брать эти ответы «по номиналу», а попытаться понять, почему семейные ценности ставятся на первое место в обстоятельствах, когда реальное поведение демонстрирует как раз обратное — низкий ранг семьи на шкале ценностей. Реальное поведение — это массовый распад семей, падение рождаемости, низкий уровень семейной и супружеской морали, а в ситуациях выбора сплошь и рядом предпочтение карьеры, богатства, развлечения — семье. Об этом будет много сказано далее. Здесь важно подчеркнуть, что та организация семьи и жизни вообще, для которой был характерен приоритет семейных ценностей, исторически уже в прошлом.

Бывает еще *расширенная* семья. Это семья, состоящая из проживающих вместе представителей нескольких поколений (например, супруги, их родители и дети). Ее можно толковать как разновидность нуклеарной семьи (когда вместе живут из-за невозможности разъехаться) или как разновидность традиционной семьи (когда налицо добровольное сожителство нескольких поколений одной семьи).

Большая, а частично и расширенная семья во многом противоположны нуклеарной семье, которую мы называем семьей по умолчанию. Последняя может быть семьей *без детей*, тогда как в большой патриархальной семье отсутствие детей исключено по причинам как экономического, так и морально-нравственного характера. Вопрос о детях здесь важен. Семья по умолчанию — это в основном либо бездетная, либо однопотенная семья. В России, например, *однопотенные семьи* — самые распространенные: в городах их 52–55%, в селе — 38–41%.

Однодетная семья не обеспечивает воспроизводство населения в стране. В случае однодетной семьи каждые два человека рожают одного, и население страны неуклонно уменьшается. *Снижение* количества детей в семье характерно для населения практически всех развитых стран, особенно той его части, что характеризуется относительно высоким уровнем образования и благосостояния. О катастрофических последствиях этого процесса речь пойдет ниже. Наоборот, рождаемость растет у семей низших классов, преимущественно иммигрантов из гораздо менее развитых мусульманских стран Азии и Африки. Там семьи преимущественно многодетные. *Многодетная* семья — это семья, где детей трое и больше.

Далее, семья по умолчанию — это *эгалитарная* семья, основанная на равенстве мужа и жены. С правовой точки зрения ни о каком неравенстве в семье у нас не может быть и речи. Но фактическое неравенство возможно и довольно часто встречается. В основном оно обусловлено традиционной структурой женских и мужских ролей в семье (женщина выполняет всю домашнюю работу, а мужчина приносит в дом деньги) и не только в семье (в среднем оплата труда женщин ниже, чем оплата труда мужчин на сопоставимых должностях). Также фактическое неравенство объясняется физическими и физиологическими различиями полов. Эгалитарные семьи распространены в крупных городах и преобладают в среде лиц с относительно высоким уровнем образования и сравнительно молодого возраста.

Противоположностью эгалитарной семьи является *авторитарная* семья, предполагающая полную власть главы семьи и беспрекословное повиновение ему других членов семьи — чад и домочадцев. Авторитарная структура семейной власти чаще всего характерна для *большой* семьи. В социальном смысле более авторитарны крестьянские и рабочие семьи (в сравнении с семьями среднего класса) и семьи в малых городах и сельских поселениях (по сравнению с мегаполисами). Авторитарная семья — это традиционная патриархальная семья, то есть тип семьи прошлых времен.

Рассмотрев семью по умолчанию с точки зрения не только того, что она есть, но и того, чем она не является, можно составить более детальный ее портрет. Это *нуклеарная эгалитарная семья, состоящая из мужа и жены с детьми или без детей, как правило, бездетная, однодетная или малодетная, и проживающая отдельно от родителей или*

иных родственников. Ей противостоит патриархальная семья, представляющая собой *расширенную или большую семью, которая состоит в единстве нескольких совместно проживающих поколений, и характеризуется многодетностью и авторитарными внутрисемейными отношениями.* Патриархальная семья представляет собой фактически пережиток предшествующих стадий семейного развития и в современных странах редко сохраняется на своем собственном автохтонном основании. Но и в развитом мире этот тип семьи начинает в ощутимых масштабах возрождаться благодаря росту количества иммигрантов из регионов и стран с патриархальной семейной культурой. Этот факт, хотя и всплывает время от времени в СМИ и становится предметом общественного обсуждения, остается недооцененным с точки зрения его важности для дальнейшего развития этих стран. Также из него не делаются политические выводы, или же делаются, но неправильные. Это объясняется частично недооценкой политиками сигналов тревоги со стороны науки и общественного мнения, а частично — соображениями политкорректности. Семейные нравы и традиции — это интимные и очень чувствительные моменты в жизни любой нации и весомая составная часть национальной идентификации. Поэтому затрагивать их публично, а тем более формировать политику с целью их коррекции или изменения в современных условиях как на Западе, так и у нас в России, может позволить себе только очень смелый и неполиткорректный политик, а таких в политическом истеблишменте, как правило, не находится. А кто находится, тот не в истеблишменте, и у него нет ресурса, достаточного для выработки и реализации соответствующей политики. О том, какие гигантские и в известном смысле роковые для западной и российской культуры последствия несут эти изменения, будет сказано далее.

Пока же — о том, что происходит сегодня с семьей по умолчанию. Несмотря на осознание некоторых сложностей, возникающих как из снижения рождаемости, так и довольно неожиданных иногда новых тенденций семейной жизни, в преобладающем сегодня общественном восприятии как в странах Запада, так и в России рисуется довольно благостная картина настоящего и будущего семьи. Дело представляется так, что есть-де сложности, но в принципе будущее не за авторитарной патриархальной, а за справедливой и демократичной эгалитарной семьей, которая зиждется на любви партнеров, их доброй воле, взаимной поддержке и т.д. В принципе это правиль-

но, потому что новые тенденции, или *опции* семейного существования, которые ведут к сильному снижению значимости семьи по умолчанию, вытекают именно из последней, из ее демократической, эгалитаристской природы, являются ее логическим развитием и одновременно отрицанием.

Какие это тенденции? Во-первых, усиление влияния такой семейной формы, как *неполная семья*. Это феномен, характерный прежде всего для Запада, но и для нас тоже. Неполная семья, то есть семья, состоящая из одного из родителей и ребенка, существовала и раньше. Раньше она состояла, как правило, из женщины с ребенком (матери-одиночки) и рассматривалась как несчастье или бесчестье. Нынешнее социальное развитие, состоящее, в частности, в повышении благосостояния и совершенствовании социальных служб, приводит к тому, что женщины, желающие иметь ребенка, но не могущие или не желающие по разным причинам навсегда или надолго связать свою жизнь с мужчиной, *сознательно* избирают неполную семью как форму жизни. Не менее интересна и другая новая ситуация, когда взрослым членом неполной семьи оказывается не женщина, а мужчина — отец с ребенком или с детьми, причем и такая ситуация сплошь и рядом оказывается не вынужденной обстоятельством, а вполне *сознательно* избранной.

Во-вторых, распространение *гомосексуальной семьи* как официально признанной в некоторых западных странах формы однополосожительства, предполагающей формальность и стабильность отношений. Однополые семьи получают право на обретение и воспитание приемных детей. В некоторых странах с живыми и сильными религиозными или консервативными традициями (например, в Польше, а также и в России) общество и власти сопротивляются признанию однополых семей.

В сфере семейной жизни существуют и другие *опции*, такие, скажем, как *пробный брак* или так называемая *шведская семья*, — о них еще пойдет речь ниже. Важно, что все это действительно продукт развития семьи по умолчанию — обычной эгалитарной и демократической по своим основаниям буржуазной семьи, базирующейся на индивидуалистических основаниях, то есть на выборе партнеров, не зависящем от давления группы, окружающих индивидов, традиций общества и моральных норм. Строго говоря, названные и многие неназванные опции не противоречат тем принципам, представляющим

собой своего рода конституцию современной семьи, что сформулированы в самом начале раздела. Именно поэтому они так естественно и непринужденно входят в повседневную жизнь и правовую практику многих стран.

В результате внутри множества стран, принадлежащих к западной культуре, вызревает жестокий конфликт. С одной стороны, в них налицо ярко выраженная тенденция падения рождаемости, и преобладает обычная эгалитарная семья плюс набор вышеуказанных опций, не только не противостоящих, но, наоборот, способствующих дальнейшему снижению рождаемости. С другой, — в этих же странах необычайно высокими темпами растут колонии выходцев из стран с иной, в основном патриархальной и авторитарной семейной культурой, где многодетность рассматривается как норма существования семьи. Если экстраполировать эти тенденции, то можно в исторически обозримое время ожидать возникновения судьбоносных конфликтов. Как это ни удивительно, политиками и общественным мнением эти тенденции не воспринимаются как рок. Этому может быть несколько объяснений. Либо угроза недооценивается потому, что кажется слишком отдаленной и абстрактной. Либо ею сознательно пренебрегают потому, что западному человеку, в том числе и политику, слишком удобно в собственной семейной модели, выбираться из которой не хочется, как из теплого уютного дома в холодный и жестокий мир. А может быть потому, что в любых дискуссиях и спорах негласно подразумевается, что пропаганда семейных ценностей, повышение материального благосостояния, а также усилия социального государства по защите и поддержке семьи рано или поздно приведут к перелому тенденции, что время можно повернуть назад.

А может быть, все надеются, что само рассосется. Последнее не кажется таким уж невозможным, если вспомнить, как несколько десятилетий назад внимание всего ученого и политического человечества было приковано к работам членов так называемого Римского клуба, бивших тревогу по поводу неудержимого роста населения слаборазвитых стран, что в условиях ограниченности ресурсов грозило в не очень отдаленном будущем перенаселением и следующими за этим голодом, войнами и великими переселениями народов. Предсказанных катаклизмов не произошло, прогнозы Римского клуба потихоньку оказались забытыми. А переселения народов хотя и происходят, но совсем по другим причинам.

Конфликты будущего

Теперь на первый план мировых тревог выходит не демография стран третьего мира, а демографическая динамика развитых, цивилизованных стран Европы, к которым и Россия имеет смелость себя относить, и с которой мы уже прекрасно знакомы на собственном российском опыте — это, в первую очередь, спад рождаемости и растущая миграция, а также (что более свойственно Европе, но ждет и Россию в случае достижения определенного жизненного стандарта) рост продолжительности жизни. У нас в отношении рождаемости печальная статистика: в среднем на женщину приходится 1,3 ребенка, тогда как минимальный уровень, требуемый для воспроизводства, — 2,2 ребенка¹. Глава представительства Фонда ООН по народонаселению сказал в радиоинтервью, что ситуация в РФ очень серьезная и что население РФ может сократиться к 2025 году до 125 миллионов, а к 2050 — до 100 миллионов человек². Усилия политиков каким-то образом переломить складывающиеся тенденции — стимулирование рождаемости, в частности путем предоставления материнского капитала, стремление предотвратить неограниченную нелегальную миграцию, ввести ее в какие-то рамки — подтверждают единую природу демографических проблем в нашей стране и в Европе.

Но есть, конечно, и различия. С одной стороны, в России имеются слабо заселенные, необозримые и во всех смыслах слабо защищенные просторы Сибири, по несчастью имеющей соседом перенаселенный Китай, обретающий силу и уверенность и готовый к экспансии, может быть, не только экономической. Кроме того, «внизу» у России — среднеазиатские и южнокавказские республики бывшего СССР, еще в значительной мере сохранившие русский язык и общий с Россией стиль жизни, что облегчает миграцию в Россию и делает Россию предпочитаемой целью миграции. С другой стороны, европейские страны становятся желанной целью для жителей своих бывших колоний, для которых метрополия — тоже в своем роде Родина. К этому надо добавить еще привлекательность Европы как места жизни, а также понемногу сходящую на нет, но все еще действующую демократическую пропаганду свободы выбора местожительства

¹ См.: http://www.ukon.su/article/article_19201.html.

² См.: <http://www1.voanews.com/russian/news/a-33-2008-04-30-voa13.html>.

и готовность к предоставлению политического и экономического убежища всем угнетаемым, преследуемым, сирым, замерзающим и голодным. ЕС имеет, пожалуй, самые мягкие в западном мире критерии приема иммигрантов. В первую очередь принимают тех, кто у себя дома подвергается преследованиям и дискриминации. Затем следуют те, у кого кто-то из членов семьи уже находится в пределах Евросоюза. Далее — те, кто пребывает в ЕС нелегально, они должны быть легализованы. А уже последний из критериев — это важность иммигранта для европейского рынка труда.

Вообще, миграции — очень сложный феномен, на котором мы пока здесь не останавливаемся. Важно констатировать, что, во-первых, никакого средства, способного остановить миграцию с Юга на Север и с Востока на Запад, до сих пор не найдено и, во-вторых, что в столицах и крупных городах как Западной Европы, так и России растет своеобразное *параллельное общество мигрантов*. Примеров можно набрать бесконечное количество: это прогремевший недавно на всю страну Черкизовский рынок в Москве, так называемый Черкизон с его оборотом в миллиарды долларов, разноязыким населением, своими отелями, ресторанами, магазинами, своей полицией и проститутками, своими законами и судьями. В общем, не хуже, чем Хитровка конца XIX столетия, впечатляюще описанная Гиляровским. Жители Москвы с внутренней жизнью Черкизона практически не пересекались — это в самом деле параллельное общество, существующее как бы в другом измерении. Черкизон — не единственный пример такого образования, в прессе постоянно появляются сообщения о китайских сообществах в Сибири, о вьетнамских сообществах в Москве и т.п. Правда, этническая дифференциация московского населения пока что не зашла так далеко, чтобы начали складываться ареалы компактного проживания представителей определенной нации — районы, подобные латиноамериканским кварталам или чайнатаунам в американских городах, или районы, полностью заселенные турками или арабами в европейских столицах. Кроме того, большинство иммигрантов в России — это граждане бывших советских республик, частично сохранившие советскую общность жизненных привычек и стиля и поэтому способные без труда интегрироваться в жизнь российского города, что делает геттоизацию необязательной. Да и количественно, пожалуй, иммигрантские диаспоры в Москве и других крупных городах не достигли уровня, делающего неизбежным

образование гетто³. Хотя в дальнейшем, очевидно, эти факторы будут ослабевать и формирование гетто станет неизбежным.

Мы еще вернемся к вопросу о миграции, но пока остановимся на другом аспекте вялотекущей демографической катастрофы. И в Европе, и в России оказался нарушенным некий негласный межпоколенческий социальный договор, состоящий в том, что благополучие пожилых людей гарантировалось производительной деятельностью молодежи, что находило свое выражение в пенсионных отчислениях работающих. Договор состоял в том, что каждое новое молодое поколение обеспечивало старость предыдущего. Нарушение его повлечет за собой ужасные не только экономические последствия, состоящие в отсутствии средств поддержания старости родителей, но и культурные последствия, а именно: разрыв жизненных стилей родителей и их *бездетных детей*.

Как пишет профессор Технического университета в Берлине Норберт Болц⁴, становится все яснее, что *будущие конфликты в области распределения будут происходить не в сфере производства, а в сфере воспроизводства*. Нас ждет, пишет он, не только острейшая «культурная борьба» родителей с бездетными, но и жестокая экономическая борьба за ресурсы между поколениями. Действительно, уменьшение количества рожденных детей существенно снижает базу пенсионных отчислений для будущих пожилых людей, причем *родители и бездетные равным образом* пользуются этой все сужающейся базой, сформированной за счет экономических и душевных затрат именно *родителей и только родителей*, вкладывавших деньги и душу в выращивание и воспитание детей. Старость бездетных обеспечивается потом и кровью родителей. Это и есть *casus belli* – причина культурной войны родителей и бездетных.

Параллельно формируется латентная война полов, возникающая из отказа людей от идентификаций со своими половыми ролями. Женщины не хотят больше быть женщинами, а мужчины – мужчинами. Этот процесс Болц называет *бегством от пола*. Классическое распределение мужских и женских ролей основывалось на половом разделении труда, которое было выгодно обеим сторонам. Отсюда и супружеская солидарность – самое сильное альтруистическое чув-

³ Вендина О. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация // Демоскоп Weekly. 2004. № 177–178. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php>.

⁴ Bolz N. Die Helden der Familie. Munchen, 2006.

ство. На практике половое разделение труда означает, что мужчина зарабатывает деньги, а женщина выстраивает уютный дом, или, иными словами, мужчина охотится, а женщина заботится о доме и детях. Так было всегда, а частично продолжается и сейчас: женщина обеспечивает сохранение внутренних, а мужчина – внешних границ семьи как социальной системы. Что происходит в случае сознательного отказа от традиционной половой роли и принятия роли, свойственной противоположному полу, то есть когда, например, женщина отправляется на охоту? Слабеет экономическая обусловленность деятельности мужчины и женщины, и в результате ослабевают связывающие их эмоциональные узы. Раньше, пишет Болц, мы имели дело с борьбой мужчин *за женщин*, теперь налицо борьба мужчин *с женщинами*. И с каждой частичной победой в этой борьбе ослабевает *организующая и упорядочивающая функция половой асимметрии*. Половые роли и мужчин, и женщин утрачивают ясность и однозначность. Так, мужчины должны, с одной стороны, играть традиционную доминирующую роль, а с другой – конкурировать с женщинами. Это порождает неуверенность, роковую для традиционных ролевых отношений. Перевод пола в гендер, побужденный феминизмом, сыграл роковую не только лингвистическую, но и социальную роль, представив пол («гендер») как конструированную сущность, поддающуюся и подлежащую деконструкции и реконструкции по желанию субъектов.

В нынешних демографических дискуссиях есть, в принципе, две идеи относительно того, как бороться с этими грядущими бедами. Первая идея состоит в том, что миграция из стран с традиционно высоким уровнем рождаемости компенсирует падение рождаемости у нас. Это возможно, хотя и не обязательно. Например, в России часть мигрантов, особенно из бывших советских республик, без особого труда приспосабливается к обычаям, экономической и культурной среде принимающего общества и в результате довольно скоро снижает свойственный им дома высокий уровень деторождения. То же самое происходит, например, во Франции с выходцами из Северной Африки, где и без того модель рождаемости не очень отличалась от европейской. В Тунисе и Алжире, например, рождаемость держится на уровне 1,7 ребенка на женщину, что, в принципе, ниже уровня замещения. Та же ситуация с огромной турецкой диаспорой в Германии – турецкие женщины рожают лишь на несколько про-

центров больше детей, чем немецкие. Но даже если расчет оправдается, вряд ли такая компенсация падения рождаемости в принимающей стране должна приветствоваться. Ведь подавляющее большинство мигрантов плохо образованы, выполняют низкооплачиваемую работу, и рождение у них множества детей приведет только к усугублению социальных проблем, усилению бедности и к общему падению качества человеческого капитала в стране. Кроме того, есть еще одно соображение, которое достаточно часто замалчивается по причинам политкорректности. Происходящее тихой сапой вторжение плодovitых этносов медленно, но неотвратимо будет вести и уже ведет к размыванию национальной культуры и национальной идентичности «старых» наций. Как говорит один путешественник, Москва давно уже превратилась в Стамбул. В европейских столицах еще легче, чем в Москве, убедиться в экспансионистской мощи именно демографического развития. В Париже, в Берлине перед глазами — европейские старики и мусульманская молодежь. Мы продолжим рассмотрение вопроса о возможных социальных и культурных последствиях дальнейшего развития в этом направлении.

Сыновья и мировое господство

Несколько лет назад профессор Бременского университета в Германии Гуннар Хайнсон опубликовал книгу «Сыновья и мировое господство: роль террора во взлете и падении наций»⁵, которую трудно отнести к конкретной научной дисциплине. Можно сказать, что это труд в области исторической демографии, или исторической социологии, или политической, или даже спекулятивной (если такая возможна) демографии. Книга посвящена причинам войн, неожиданных и мощных завоевательных походов, внезапных вспышек ненависти, сопровождаемых резней и истреблением народов. Реакция на нее в ученых кругах была острая и противоречивая, а известный философ Слотердийк даже сравнил ее по значению с «Капиталом» Маркса и назвал автора основоположником демографического материализма.

⁵ Heinsohn G. Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Bern, 2003.

Отправной пункт для Хайнсона — так называемый юношеский выступ на половозрастной пирамиде⁶. Сам он, отвечая на вопрос, что такое юношеский выступ, говорит в одном интервью: «Общепринятого определения этого понятия нет. Француз, впервые использовавший термин в 1970 году, считал, что юношеский выступ существует, когда 30% населения имеют возраст от 20 до 24 лет. Я считаю, что эти 30% должны быть от 15 до 29 лет. Это значит, что если вы возьмете 100 мужчин в стране, 30 из них будут от 15 до 29 лет. Но учтите, что эти 30% не опасны, если они голодны и необразованны. Они опасны, когда находятся в хорошей физической и интеллектуальной форме»⁷. Он считает, что если в стране налицо переизбыток взрослых молодых мужчин, можно уверенно предсказывать социальные беспорядки, войну и террор. Старшие сыновья сравнительно легко находят себе место в жизни, тогда как остающиеся, грубо говоря, без места и без наследства «второй, третий и четвертый сыновья» неизбежно начинают войну за статус и престиж у себя дома, либо отправляются отвоевывать для себя новые земли. Хайнсон напоминает, что

⁶ Половозрастные пирамиды — это своеобразные диаграммы, представляющие в графической форме распределение населения по полу и возрасту. Число людей каждого возраста (или доля их в населении) изображено горизонтальной полосой определенного масштаба. Эти полосы, то есть возраста, помещаются друг над другом в порядке, естественно, возрастания. Обычно выделяют возрастные группы однолетние и укрупненные: пяти- и десятилетние, а иногда и еще более крупные. В результате получаются разные фигуры. Если людей молодых возрастов много, среднего возраста меньше, а стариков совсем мало, из этих полос складывается нормальная пирамида, выглядящая как треугольник, широкий внизу и сходящий на нет к вершине. Если наоборот, население старое, а детей мало, диаграмма выглядит как урна, то есть немного напоминает перевернутую пирамиду. При более или менее равной доле детей и стариков диаграмма выглядит скорее как дерево с длинными горизонтальными ветвями, соответствующими возрастным группам большей численности, и короткими ветвями, соответствующими группам малой численности. Пирамида делится по вертикали на две несимметричные половины: слева отображается возрастная структура мужского населения, справа — женского. О том, как пирамиды позволяют анализировать половозрастной состав населения, см., например: Андреев Е., Вишневский А., Кваша Е., Харьковская Т. Следы социальных катастроф XX века на возрастной пирамиде // Демоскоп Weekly. 2005. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0215/tema01.php>. «Юношеский выступ» (youth bulge) на половозрастной пирамиде, о котором говорит Хайнсон, — это резко выступающие длинные линии (ветви), свидетельствующие о резком возрастании численности населения молодых возрастов.

⁷ Heinsohn G. A Continent of Losers. Interview by Lars Hedegaard / Sappho, May 2007. URL: <http://www.sappho.dk/interview-a-continent-of-losers.htm>.

конкистадоров, отправлявшихся за океан за золотом и сокровищами, в Испании называли *secundones* — это были вторые сыновья в дворянских семьях, где наследниками становились старшие сыновья. После второго путешествия Колумба избыточное мужское население Европы отправилось на завоевание Нового мира. При этом завоеватели — как конкистадоры, так и любые другие завоеватели на всем протяжении истории — находили себе оправдание и поддержку в какой-нибудь из религиозных или политических идеологий. Это важно: не идеологии, считает Хайнсон, побуждают к войне и территориальным захватам, а переизбыток молодых людей, не имеющих места в жизни. Идеологию они лишь «подбирают» для себя, оправдывая свои стремления; вполне материалистическое объяснение происхождения войн — это и есть демографический материализм.

Кроме объяснения войн, теория Хайнсона — это еще и объяснение того, что мы с легкой руки Льва Гумилева стали называть *пассионарностью*. Это объяснение пассионарности некоторых наций в некоторые периоды истории, сводящее пассионарность наций к пассионарности определенных социальных групп, а именно: молодых мужчин в определенных демографических и социальных обстоятельствах. Гумилев использовал пассионарность для объяснения некоторых исторических событий. Хайнсон старался объяснить сами эти события, но объяснил еще и пассионарность. Итак, он считает, что 80% мировой истории — это история сыновей в странах, где их избыток и где они приносят одни беды и несчастья. Беды и несчастья могут принимать разную форму — выражаться в росте преступности, в попытках государственных переворотов, революциях, бунтах, гражданских войнах. Они, эти лишние сыновья, могут прибегнуть к геноциду, чтобы получить места, принадлежащие тем, кого они убивают. Важно не абсолютное количество населения, важно именно избыточное количество тинейджеров и молодых мужчин, не знающих, к чему себя приспособить и бегающих вокруг с бурлящими гормонами в крови и неконтролируемой агрессией. И начинается волна убийств, длящаяся до тех пор, пока, грубо говоря, количество оставшихся в живых не сравняется с количеством достойных мест. А иногда они развязывают войны, чтобы завоевать новые территории, истребить вражеское население и заменить его собственным. При этом, заметим в скобках, Хайнсон не верит, что экономическая помощь и спасение голодающих в странах, где в населении велика доля моло-

дых людей, может предотвратить войны, волнения, террор и убийства. Наоборот, говорит он, материальная помощь может развязать новую волну убийств. Голодающие не сражаются, они страдают. А если дать молодым людям еды, да еще и некоторое образование, они поймут, что высоких постов и желанных благ на всех не хватает, а поскольку они считают, что всего этого достойны, может начаться насилие. И чем эффективнее будет гуманитарная помощь, тем сильнее окажутся позывы к агрессии. В цитированном выше интервью он говорит: «Каждый год Немецкий институт изучения мира говорит: если мы победим в борьбе с голодом, то мы победим и войну. На самом деле все наоборот: исследование юношеского выступления показывает, что если вы преуспеете в борьбе с нищетой и голодом в стране с юношеским выступом, начнется эскалация насилия»⁸. В книге он пишет: «Динамика юношеского выступления — и это нельзя не подчеркнуть вновь и вновь — побуждается не недостатком питания. Младшему брату, который служит конюхом у перворожденного сына и не только сыт, но, возможно, даже хорошо упитан, нужна не пища, а статус, который обеспечит ему влияние, признание и достоинство. Рвутся вверх не недокормленные, а потенциальные *déclassé* и неудачники»⁹. Короче, юношеским выступом объясняется большая часть тех социальных волнений, войн, завоеваний в мировой истории, которые не были побуждены внешними факторами (резкими изменениями климата, природными катастрофами), а также большинство случаев геноцида. Это, как показано у Хайнсона, и европейский колониализм, и фашизм в XX веке, и нынешние конфликты, например, в Дарфуре и в Палестине, и современный терроризм и многое-многое другое.

Это очень интересная теория, хотя кажется иногда чересчур спекулятивной. Ее достоинством является то, что она, говоря словами феноменологического философа Альфреда Шюца, обладает «субъективной достоверностью», то есть мотивация, приписываемая главным действующим лицам объясняемых событий, субъективно убедительна, представляется психологически достоверной и естественным образом вытекающей из обстоятельств. В то же время, очевидно, правы историки, показывающие на конкретных примерах, что

⁸ Heinsohn G. A Continent of Losers. Interview by Lars Hedegaard / Sappho, May 2007. URL: <http://www.sappho.dk/interview-a-continent-of-losers.htm>.

⁹ Heinsohn G. Söhne und Weltmacht. S. 21.

аргументация Хайнсона часто носит односторонний характер. Но дело даже не в частностях. Вряд ли демографический фактор можно считать единственным, или даже главным фактором, определяющим конфликты исторического масштаба. Скорее, следует говорить о корреляции — это уже огромное открытие. Конечно, социальные волнения, война и терроризм — явления, предполагающие воздействие множества разнородных факторов, но становится ясно, что «юношеский выступ» — один из них. В этом смысле он может служить *индикатором*, позволяющим предсказывать значимые события и тем самым регулировать определенные процессы. Можно много спорить с объяснениями событий прошлого. Но, скажем, применительно к сегодняшней действительности стран третьего мира теория кажется очень актуальной. Современная медицина и распространение медицинской помощи привели к резкому росту рождаемости в этих странах и, соответственно, к формированию юношеского выступа, что сказалось в резком возрастании волнений, гражданских и межнациональных войн, случаев геноцида и террористических атак в самих этих странах и вовне их. Это все «лишние» сыновья! Здесь теория Хайнсона кажется приемлемой.

Но нас больше интересуют не исторические объяснения, а его радикальный подход к современной демографической ситуации в Европе и третьем мире и к перспективам миграции. Фактически он заостряет и снабжает конкретными цифрами многочисленные и весьма распространенные ныне спекуляции относительно демографического кризиса в Европе. Речь идет о фактической *демографической капитуляции* западного мира. Возьмите, поясняет он, количество мужчин от 40 до 44 лет и сравните с количеством мальчиков от 0 до 4 лет. Демографическая капитуляция имеет место, когда на 100 мужчин приходится менее 80 мальчиков названных возрастов. В Германии соотношение 100/50. Для сравнения: в Палестине 100/464¹⁰. Число палестинцев за последние 50 лет возросло в шесть раз. Во многих мусульманских странах уровень рождаемости сопоставим с палестинским. И в это время не только Германия, но и вся остальная Европа, как Западная, так и Восточная, и Россия, и Северная Америка, и

¹⁰ Такова же ситуация, наряду с другими, в трех мусульманских странах, привлекающих сейчас большое внимание мирового сообщества — в Афганистане (100/403), Ираке (100/351) и Сомали (100/364). См.: Heinsohn G. A Continent of Losers.

Япония находятся в демографической депрессии, то есть все эти страны и регионы в демографическом смысле давно капитулировали. Демографические данные по ним если и отличаются от германских, то незначительно.

Каждая из стран, каждый из региональных союзов пытается поправить свою ситуацию, используя механизмы миграции. Международные миграционные потоки крайне сложны, но и крайне поучительны. Если взять Европу, там наблюдается огромная иммиграция из стран третьего мира. Только Германия и только за 12 лет с 1990 по 2002 год приняла 13 миллионов иммигрантов. В предыдущем разделе было сказано, что согласно принятым критериям отбор не был ориентирован на квалификацию приезжих и потребности рынка. Скорее, наоборот, принимались те, кто нуждался в помощи и спасении. Такие гуманитарные критерии привели к тяжелой ситуации. В стране растет число людей, сидящих на социальном пособии. Причем именно для таких групп характерен высокий уровень рождаемости — не только из-за традиций мест, откуда они приехали, но и потому, что рождение детей увеличивает размер пособия. Они недостаточно образованны и недостаточно социализированы, чтобы выполнять работу, требующую определенной квалификации. В результате, по данным Хайнсона, в Германии остаются незанятыми 2 миллиона рабочих мест, при том что 6 миллионов людей живут на пособие и не могут занять эти места по причине отсутствия квалификации. Соответствующим образом складываются и карьеры детей из таких семей. Девочки в основном повторяют путь матерей — деторождение, пособие и небольшой дополнительный доход за счет неквалифицированного труда. Мальчики же вырастают в тех самых тревожащих обществе лишних сыновей, которые живут в относительно благополучных условиях, «достаточно упитанны», по выражению Хайнсона, и достаточно образованны, чтобы считать себя достойными тех позиций и доходов, которые имеют их соотечественники-немцы, но недостаточно квалифицированы, чтобы их получить. И дело здесь не в каких-то расистских предрассудках, а в том, что они социализированы в такой среде, которая не в состоянии привить им трудовые и интеллектуальные навыки, необходимые для занятия высоких позиций. Именно такие молодые люди жгут машины и дерутся с полицией в Париже, Брюсселе и других европейских столицах. Некоторые из них оканчивают университет и становятся лидерами, умею-

щими аргументированно воззвать к равенству и справедливости. Так возникает идеология, апеллирующая к принципам политкорректности. Только теперь, в контексте теории юношеского выступления эта идеология и возможные последствия ее внедрения в практику начинают выглядеть угрожающе. Если экстраполировать эти тенденции в будущее, то пестрота и занимательность политкорректного мультикультурного существования может вылиться в рост преступности, кровь и грязь гражданских волнений, резни и террора, а западная культура вступит в свой последний бой на собственной исконной территории.

Но если даже воздержаться от таких, в самом деле, чересчур драматических сценариев, все равно европейские перспективы не назовешь благоприятными. По свидетельству Хайнсона в цитированном выше интервью, около 52% молодых немцев хотели бы покинуть Европу и переехать в США, Австралию, Новую Зеландию и другие англосаксонские страны. То же самое положение во Франции и Голландии. Конечно, не все уедут, но и желание многозначительно и понятно. Дело не в том, или не только в том, что они не хотят в своем малом числе поддерживать своих собственных стареющих соотечественников. Дело в том, что, по подсчетам Хайнсона, если взять 100 двадцатилетних граждан Франции или Германии, то 70 из них будут французы или немцы, которые своим трудом и талантом должны через посредство социальных институтов кормить оставшиеся 30 сидящих на пособии иммигрантов того же возраста или поколения, что и они сами. Этого они точно не хотят и, естественно, уезжают. То же относится к Голландии, Бельгии и другим странам Европы. Германию ежегодно покидают около 150 тысяч этнических немцев, и оседают они в основном в странах англосаксонского мира, где иммиграционная политика ориентирована на высококвалифицированных кандидатов, которые нарасхват на рынке труда.

Получается, что страны старой Европы переживают что-то вроде ползучего завоевания, состоящего в постепенном замещении населения — вымывании активных, интеллектуально развитых, высококвалифицированных молодых людей и замене их дурно социализированными, плохо обученными, сравнительно слабо интеллектуально развитыми и не обладающими мотивацией к труду отпрысками иммигрантов — держателей социальных пособий. Где находится порог, знаменующий смену национальной и социальной идентичности

страны, подвергшейся такому завоеванию, и как должна выглядеть эта смена, никто пока сказать не может.

Получается так, что страны Запада или, лучше сказать, страны, относящиеся к европейской цивилизации, по выражению Хайнсона, *поедают друг друга*, то есть как насос выкачивают друг из друга самых лучших и талантливых молодых людей. Причем это всеобщий процесс: в англосаксонские страны притекают мозги из Западной Европы, в Западную Европу — из Восточной Европы и России, обратного же хода, как правило, нет. Северная Америка — это, в принципе, конечный пункт всех мечтаний и устремлений. Хайнсон говорит, что в будущее он смотрит пессимистически. Ситуация в Европе напоминает ему принцип «пятой деревни». Когда в германских депрессивных землях вроде Бранденбурга и Мекленбурга происходил спад сельского населения, было принято правило, согласно которому четыре деревни ликвидировались, а оставшиеся жители переселялись в пятую. Правда, от этого уровень рождаемости в пятой деревне не повышался и через некоторое время оказывалось, что в ней живут одни старики и поблизости нет молодых, которые могли бы заработать им на пенсии. Примерно такая судьба ждет приблизительно сорок государств «от Бретани до Владивостока». Некоторые из них станут «пятой деревней» и проживут еще некоторое время, другие просто исчезнут. Хайнсон дословно: «Я предсказываю, что славянские нации исчезнут. То же произойдет с тремя балтийскими государствами и со всеми балканскими. Вопрос только в том, кто станет пятой деревней — Франция или Германия. Я лично думаю, что Скандинавия. То же будет с Иберийским полуостровом, а также с Ирландией и Англией. Впрочем, я не уверен, что остальной континент это переживет»¹¹.

Несмотря на остроту анализа и драматизм прогноза, Хайнсон не сказал чего-то *принципиально* нового. Старение населения в Старом Свете, неуправляемый вал иммиграции из бедствующих стран Африки и Азии, утечка мозгов из России и Восточной Европы, трудности адаптации иммигрантов, ограниченные возможности социальных служб, растущая неприязнь между иммигрантами и коренными обитателями — все это многократно описано и проанализировано. Главное достоинство Хайнсона (речь не о теории юношеского выступления,

¹¹ См.: Heinsohn G. A Continent of Losers.

а об анализе демографической ситуации в Европе и мире) — в его способности бесстрашно додумать до конца, до необходимых и неизбежных выводов. Но когда мы ознакомились с этими выводами, нужно ставить главный вопрос: как мир дошел до жизни такой, и какую нужно выстраивать политику, чтобы мрачный прогноз не сбывся. Для нас, конечно, важна Россия. Хайнсон предрекает России неизбежную гибель в тисках демографического кризиса. Впрочем, не он один. Но осознание остроты ситуации заставляет задуматься о том, как эту гибель отсрочить, а то и отменить. Для этого необходимо более углубленное рассмотрение ситуации в семье и в политике государства в отношении семьи.

Фетиш самореализации

В огромной степени в сегодняшней ситуации, в которой находится европейская семья, или семья по умолчанию, как мы ее определили, повинны два решающих обстоятельства. Первое — это современная идеология человека, его достоинства и смысла жизни, выражающаяся в *позиции самих членов семьи* по отношению к роли семьи в их жизни. Второе — это *патерналистское государство*, все в большей степени принимающее на себя роль подлинного отца, главы семьи. В этом разделе мы рассмотрим первое из этих обстоятельств. В современной жизни сплошь и рядом оказывается так, что семья уходит на задний план и становится лишь фоном, на котором происходит социальная *самореализация* индивидов. Семья выглядит как что-то устаревшее, косное, препятствующее яркому проявлению индивида в большом мире. Традиционно, как известно, самореализовывался во внешнем мире мужчина, женщина обеспечивала уход за домом и детьми и дарила любовь мужчине, возвращавшемуся «с охоты», то есть она самореализовывалась в семье. Причем целью существования мужчины, в принципе, была не самореализация сама по себе, а самореализация *ради семьи*, которая воплощалась в детях и представляла собой механизм, служащий продолжению рода. Семья как институт продолжения рода была своеобразным якорем, не дающим человеку бесследно исчезнуть в бушующем море жизни. Поэтому она и представляла собой нечто первостепенно важное в челове-

ческой жизни. Это и означало на практике, что семейные ценности оказывались определяющими ценностями жизни.

Теперь ситуация в значительной степени изменилась, причем изменилась как для мужчины, так и для женщины. Хотя в России сейчас стало чрезвычайно модно говорить о приоритете семейных ценностей, хотя они неизменно выходят на первое место в социологических опросах, на самом деле кажется, что их жизненная роль крайне ослабла. Для мужчин, относящихся к высшим слоям (бизнес, чиновничество, творческая элита), слова о приоритете семейных ценностей на деле означают, что семья — это тихая гавань, где можно распустить галстук, отдохнуть и расслабиться — своего рода комната отдыха в международном аэропорту на пути, скажем, из Буэнос-Айреса в Париж. Такая возможность создает соответствующий эмоциональный фон, семья начинает видаться как нечто привлекательное и желанное, особенно если дома милая жена и воспитанные дети. В результате бизнесмен ставит в социологической анкете жирный крест в графе «семейные ценности». Иногда семья становится орудием сокрытия сомнительных с точки зрения закона доходов. Нет слов, это важные вещи, но это явно не тот случай, когда семья — смысл существования и жизненный якорь. Для современного существования и смысл, и якорь — во внешнем мире, который есть арена самореализации индивида.

Но еще важнее и даже трагичнее с точки зрения последствий для института семьи, когда семья перестает быть местом самореализации женщины, и смыслом существования и жизненным якорем женщины, так же, как и мужчины, становится самореализация во внешнем мире. Здесь и возникает то, что Больц (см. выше) назвал *войной полов*. Не мужчины борются друг с другом за женщин, а женщины борются с мужчинами за привилегированный статус, за высокий доход, а иногда даже за половых партнеров. В значительной мере ответственна за это современная идеология места женщины в семье и мире, прежде всего, *феминизм*, который представляет собой в этом отношении символ современности, концентрат нападков на буржуазную семью или, как мы ее обозначили, семью по умолчанию. Феминизм оказал и продолжает оказывать столь сильное идейное влияние, что сейчас просто невозможно сформулировать реалистическую альтернативную, консервативную позицию по отношению к семье.

При взгляде из России может показаться, что феминизм — это западные выдумки, а у нас ничего подобного нет. Действительно, какой вес могут иметь суждения изредка появляющихся на телеэкране женщин, раздраженных несовершенством жизни и косностью соотечественников и представляющихся феминистками. Их идеям, вроде бы, не обнаруживается соответствия в реальном мире. На Западе — там наоборот. Там феминизм стал одной из наиболее значимых составляющих самой передовой в мире идеологии *политкорректности*. Там женщина гордится собой, там за равенство с мужчинами ей не нужно бороться — она уже победила, а если кто в это не верит, тот может пойти под суд за это свое неверие (стоит только проявить его в форме «сексизма», «лукизма» и т.п.). На самом деле, феминизм проявляет свое воздействие на двух уровнях. Во-первых, есть поверхностный, публичный, ориентированный на медиа, *инсценировочный уровень*, где как раз и имеют место инсценировки равенства и справедливости. На этом уровне происходят разного рода скандалы, разоблачается скрытый сексизм власть имущих, наказываются — иногда даже разрушением карьеры виновного — случаи сексуального «харасмента». На этом же уровне инсценируются экстравагантности, привлекающие внимание СМИ. Например, несколько лет назад на одном из факультетов Бременского университета в Германии студента мужского пола феминистки не пустили на свой семинар, и ему пришлось через суд доказывать свое право посещать любое из академических мероприятий в университете. Ясно, с каким интересом все обсуждали это событие. Но есть и более глубокий, *фундаментальный уровень* проявления идеологии феминизма, связанный не только с новейшим феминизмом как таковым, а с его идейными отцами и предшественниками, пардон, матерями и предшественницами в освободительном и социал-демократическом движении. Этот феминизм — плоть от плоти инспирированного марксовым социализмом освободительного движения, и хотя новейшие, особенно философствующие феминистки предпочитают в качестве своей святой и духовной наставницы Симону де Бовуар, в действительности самый большой вклад в их дело внесли Клара Цеткин, Роза Люксембург, а также и Александра Коллонтай (хотя, разумеется, не только они). Благодаря, скорее, их идейной и практической политической и просветительской работе произошло реальное освобождение женщины, оказавшее разрушительное влияние на семью. Их можно было понять, в их

действиях был благородный пафос: они разрушали архаичную и несправедливую «буржуазную» семью во имя новых, равных и справедливых отношений полов. На самом деле оказалось, что они разрушают семью вообще.

В результате неустанных усилий этого и последующих поколений женщин, борющихся за справедливость и равенство, дело пришло к тому, что сейчас женщины, посвятившие свою жизнь семье и детям, — это белые вороны. Они выглядят странно и несовременно. Они будто бы забыли то, что известно всем и в доказательствах не нуждается: главная цель современного человека — современного мужа и современной жены — это успех и самореализация в большом мире, лежащем за пределами семьи. А когда они об этом вспоминают, то самореализация и успех оказываются ценностями, с которыми семья не в состоянии соперничать. Множество примеров тому можно найти в самых разных книгах, посвященных семье, а также и в реальной жизни вокруг нас. Это происходит, прежде всего, потому, что, с точки зрения ценностей нашего общества, работающая женщина весит больше, чем домохозяйка или мать. Самое ценное — и одновременно самое нормальное явление в современном обществе — это работающая супружеская пара с ребенком, проводящим полный день в детском саду или в школе. Также достойны мать-одиночка, работающая и воспитывающая ребенка, и другие варианты совместной или, наоборот, одинокой жизни при условии, что *все работают*, причем обязательно *вне семьи*. Не работать нельзя, и не только потому, что работа есть единственный источник поддержания жизни семьи, но и потому, что неработающая женщина считается существом неполноценным. Даже во вполне обеспеченных семьях женщины, которые без проблем могли бы посвятить себя только семье, после рождения детей и некоторого периода адаптации к материнской роли и осмысления своего нового места в мире начинают рваться на работу. В их жизни, если они не работают, зияет огромная и тревожащая пустота. Разумеется, есть и другие примеры, но современная женщина выглядит «несбалансированной», если в дополнение к роли жены и матери не располагает профессиональной ролью. Кроме того, она просто выпадает из стройных систем социальной стратификации, где профессия и доход — главные критерии идентификации индивида. Это вообще ситуация, характерная для современных развитых стран — как ушедшего в прошлое Советского Союза, так и современной Рос-

сии и Европы. Правда, сейчас, когда многие говорят, что на дворе постмодерн, ситуация начинает размываться. Но только отказ как мужчин, так и женщин от работы и профессии — позиция, все более популярная в современной России, — отнюдь не всегда побуждает их обратиться к семье. Но пока такая позиция представляется скорее маргинальной. Профессия и работа у мужа и у жены — это общепринято. Классическая семья, где муж работает, а жена — мать и домохозяйка, стоит в самом низу ценностной шкалы семейной жизни.

Сейчас, конечно, никто не отрицает, что мать и домохозяйка тоже выполняют значительную работу. Но все дело в том, что они не продают рабочую силу на *рынке труда* и потому просто не входят в учет работающих. В денежной экономике все, что признано и достойно, должно быть опосредовано деньгами. А что не опосредовано, то не значимо, в определенном смысле слова, не существует, во всяком случае, не принимается всерьез и не учитывается при оценке общественной производительности и человеческого капитала. У экономистов и социологов почти нет работ, где рассматривается внутренняя производительность современных домохозяйств, хотя имеется очень много работ, где рассчитывается потребление домохозяйств, их доходы и т.д. Для проверки этого суждения советую посмотреть, что найдется в Интернете, если поискать по словам «домохозяйство» и «производительность» или «семья и производительность». Огромное количество ссылок, темы которых «производительность труда и доходы домохозяйств» или «влияние семьи на производительность труда» и т.д. То есть все, в том числе и ученые, хотя отлично понимают, что уход за домом, воспитание детей, приготовление пищи и т.д. — серьезный и тяжелый труд, все равно молчаливо предполагают, что труд — это когда вне дома. Это не чье-то персональное пренебрежение или предубеждение — это коренится в самой конституции денежной экономики. При натуральном хозяйстве мужчины и женщины работали в собственном хозяйстве рука об руку, равно участвуя в обеспечении жизнедеятельности семьи. В денежной экономике источник дохода переместился вовне, и мужчина стал либо ходить на рынок, чтобы продать произведенный дома продукт, либо ходить на работу (на рынок труда), продавая свою рабочую силу. В любом случае он возвращался домой с деньгами, как добытчик. Тогда, собственно, и началась недооценка женского труда. Тогда же старая форма брака — покупка женщин — начала меняться на новую — брак с при-

даным. С тех давних пор и сложилась ситуация, когда неоплачиваемая работа как бы не является настоящей работой. Все, чье время не пересчитывается на деньги, — дети, женщины, старики — в экономическом смысле ничего не значат. И в условиях денежной экономики домохозяйка — «просто домохозяйка», а не полноценная общественная и экономическая единица. Точно так же, как при социализме она тоже была «просто домохозяйка», а не полноценный член общества.

В результате возникает парадоксальная, а если сказать точнее, то глубоко извращенная ситуация. Получается так, что няня, ухаживающая за детьми других матерей, работает. А мать, ухаживающая за собственными детьми, делает это из собственного удовольствия — ведь работой это не считается. Точно так же домработница, убирающая квартиру, работает, а хозяйка, делающая в физическом смысле то же самое и затрачивающая столько же или даже больше усилий — не работает. Возникает парадокс, великолепно сформулированный Болцем: *вместо того чтобы быть матерями, женщины работают, зарабатывая деньги, чтобы купить «материнские услуги», причем часто их работа как раз и состоит в предоставлении этих самых материнских услуг*¹². Только они предоставляются в чужой семье. Как он едко замечает, этот урок учили и пожилые бабушки, которые охотнее поработают пару часов «нянями» и заработают пару евро, чем присмотрят за внуками дома. Можно сказать, что логика современного социального развития (освобождение женщин, воплотившееся, прежде всего, в их профессиональной работе), соединенная с логикой денежной экономики, требует, чтобы женщина *принимала на себя заботу о чужих детях и уход за чужим домом, оставив своих детей и свой дом на попечение другой женщины*.

Вообще мать и домохозяйка находится сегодня в общественном мнении и в господствующей по сути социал-демократической идеологии в таком проигрышном положении, что ей впору стыдиться своего семейного чувства и предназначения. Ее постоянно противопоставляют женщине, которая равна мужчине, то есть сделала выбор в пользу работы и карьеры, при этом, как правило, умалчивается, что это означает выбор *не* в пользу семьи и детей. И совсем не замечается при этом, что подобного рода равенство предполагает игнориро-

¹² Bolz N. Die Helden der Familie. S. 30.

вание половых различий. Фактическое игнорирование, которое предполагалось идеологическим взглядом на роль женщины, оказалось дополненным нормативными предписаниями по игнорированию половых различий, сформулированными в рамках современной идеологии политкорректности. Здесь действует императив: обращайся со своими коллегами, а также и с любыми другими встречаемыми людьми так, будто не знаешь о существовании разных полов! Из этого табу на различие полов возникает целый ряд крайне интересных выводов применительно к любви, браку и другим отношениям полов, на которых мы остановимся еще позднее. Этот запрет на различие полов на самом деле, конечно, не так примитивен. Любой политкорректный индивид или любая феминистка скажут, конечно, что здесь отрицается не существование мужчин и женщин как биологической данности, а отрицается традиционное представление о мужском и женском, о мужском и женском должностовании, о мужских и женских ролях и т.д. Традиционно мужчина – господин, а женщина – раба и жертва. Именно это традиционное представление и подлежит отрицанию и более того – запрету. Но если запретить такое противопоставление, сразу возникают новые и часто весьма неожиданные разделения. На некоторые из них указывает Болц. В частности, возникает противопоставление понятий «женщина» и «женственность». Женственность не свойственна, или не должна быть свойственна женщине, сравниваемой в своем гражданском и экономическом достоинстве с мужчиной. Если же она ей свойственна, значит, женщина не принимает своего равенства всерьез и на деле возвращается к старому и дискредитированному базовому противопоставлению мужчина/женщина. Из этого же запрета возникает другая неожиданность: возможность рассматривать как, если и не противоположные, то, по крайней мере, не связанные по необходимости друг с другом понятия «брак» и «дети». Конечно, бездетные браки были всегда, но раньше они рассматривались как исключительное явление, обусловленное либо медицинскими причинами, либо какими-то экстраординарными обстоятельствами, и лишь в последние десятилетия естественная связь между браком и детьми оказалась разорванной. В Америке возникла категория *DINKS*, характеризующая постмодерную семью, точнее постмодерную пару без детей. *DINKS* – это акроним: *Double Income, No Kids*, что означает «двойной доход, без детей». В браке такие пары заняты в основном максимизацией дохода. По-

скольку погоня за доходом порождает массу стрессов, у них не остается сил для постели, в результате чего возникла новая категория, обозначение которой иронически комментирует предыдущее: *DINS – Double Income, No Sex*¹³.

Такая ситуация, конечно, была бы невозможна без развития противозачаточных средств, главное, таблеток, сыгравших важную культурно-историческую роль. Конечно, и до таблеток женщины контролировали до известной степени процессы оплодотворения – но именно с таблетками они стали поистине хозяйками собственной плодovitости. Другой стороной развития контрацептивов оказалось нежелание мужчин брать на себя ответственность за последствия отношений, что далее вело к падению рождаемости. Разумеется, все это развитие совершается под знаком политической корректности, требующей, чтобы эротика была оторвана от биологической основы сексуальности. Это именуется «безопасным сексом». Тем самым подразумевается, что связь, чреватая беременностью и рождением детей, является чем-то опасным. В результате в качестве образца для подражания, становящегося предметом постоянной и назойливой пропаганды, выдвигается связь без обязательств, да и без любви, потому что любовь как очень сложное и острое эмоциональное и душевное состояние не укладывается в понятие «безопасной» связи. «Безопасный секс» – это случайная связь малознакомых людей, ибо чем глубже партнеры узнают друг друга, чем глубже вовлекаются в половой союз, тем он становится «опаснее», то есть чреватее, значительнее с точки зрения их будущей судьбы. Но «безопасный секс» очень подходит людям, поглощенным страстью к самореализации.

Семья и государство

Второй главной причиной кризиса семьи мы назвали современное государство в его отношении к семье. Нет, представляющие государство чиновники и политики не равнодушны к семье, государство держит руку на пульсе семейного развития, постоянно думает о семье и оказывает ей поддержку, социологи, демографы и другие специалисты фиксируют проблемные точки, угрожающие существова-

¹³ Bolz N. Die Helden der Familie. S. 30.

нию семьи, которые затем становятся предметом дискуссий, ведущих к выработке мер государственной политики по поддержанию семьи. Но, если говорить строго, семья *сама по себе* достаточно мало интересует и ученых, и политиков. Чаше она рассматривается с точки зрения ее *функций* в социальной системе, и политические воздействия нацеливаются, например, на повышение рождаемости в семье не потому, что семья без детей ущербна, а потому, что государству нужны люди для труда, для войны, для заселения новых или пустующих земель. Или — другой пример — государство способствует возникновению условий, освобождающих женщин от каждодневного труда по уходу за детьми (детские сады и ясли, школы с продленным днем и т.д.), прежде всего, не столько в интересах самой семьи — наоборот, отрыв матери от ребенка не способствует ни стабильности семьи, ни качеству семейного воспитания, — сколько в интересах рынка труда, заинтересованного в рабочей силе. К теме семьи и воспитательно-образовательных учреждений мы еще вернемся. Можно приводить и другие примеры, показывающие, что семья современным обществом и государством трактуется, прежде всего, *инструментально* — не столько как основа социального бытия человека и общества, сколько как инструмент оптимизации социальной системы. И никакие уверения в значимости семейных ценностей здесь не помогают, ибо чиновники и другие деятели без всякого смущения сочетают их с антисемейной, по существу, политикой. Например: мы высоко ценим семью и готовы ей помогать, давайте построим еще больше детских садов, желательно даже интернатского типа, чтобы матери могли как можно дольше не видеться со своими детьми!

Зачастую государство само своей политикой подрывает основы семейного существования. Происходит это потому, что оно берет на себя выполнение все большего и большего числа функций, изначально принадлежащих семье. Например, у нас стали распространены и имеют даже шанс при определенных обстоятельствах стать модными профессии социальных работников, психологов, консультантов в разных сложных ситуациях, возникающих в жизни семьи. Консультанты отвечают по многочисленным телефонам доверия или помогают прямым советом или беседой. Они разговаривают с женщинами, которых бьют мужья, с детьми, потерявшими родителей, с инвалидами, ищущими места в жизни, с бомжами, с обманутыми женами и т.д. и т.п., действуя от имени государства, местных властей

или общественных организаций. К ним может обратиться каждый, и каждый обязательно будет понят и получит сочувствие и совет. Тот, кто раньше не нуждался в профессиональном совете и сочувствии, ибо был тем, чем был, то есть брошенной женой, человеком, потерявшим родителей или не имеющим места жительства, и был готов принять и нести свои беды и страдания в их полном объеме, потому что он сам в них виноват, или потому, что такова жизнь, и, потеряв родителей, он не может не страдать и *должен* страдать, так вот, теперь такой человек как бы получает официальное удостоверение в том, что он несчастен и присоединяется к рассуждению о своем несчастье. Ведь ни один консультант никогда не скажет своему клиенту, например, брошенной жене: ты сама виновата, зачем ты изводила мужа ревностью, зачем проверяла его звонки, лазала по карманам! Вот он, естественно, тебя и бросил! Впрочем, консультант, отвечающий по телефону доверия, даже, скорее всего, и не озаботится выяснением всех этих обстоятельств, а просто прибегнет к типовой модели реакции на типовую жалобу. По стилю работы это сильно напоминает секс по телефону, где девушку, во-первых, совершенно не интересуют особенности жизни и влечения клиента — она просто знает, чего хочет каждый мужчина и что ему надо сказать, чтобы он остался доволен, а во-вторых, она никогда не откажет ему в сексе (по телефону, естественно) и не скажет ничего, что могло бы показаться ему обидным.

В результате распространения такого рода телефонов доверия воспитываются новые поколения людей, которые несчастны, даже если у них нет оснований быть несчастными, потому что малейшая их проблема получает неограниченный лимит сочувствия профессиональных сочувственников. Люди оказываются не готовыми бороться с бедой, потому что ее можно переложить на плечи «профессионалов по несчастью» (Большц). Со стороны индивида это не что иное, как бегство от ответственности за собственную жизнь. Со стороны общества это желание принять на себя проблемы, с которыми индивид обязан справляться сам, подобно тому, как отец принимает на себя проблемы детей. «Отец» — это слово здесь больше, чем метафора. По существу, государство принимает на себя функции, которые должен исполнять в семье отец. Отец должен обеспечивать семью материально, и в случае, если он оказывается несостоятелен, ему на замену приходит государство, которое платит пособие на детей.

То же самое с обеспечением жилплощадью: если отец не в состоянии приобрести квартиру, государство предлагает ее бесплатно или по льготным ценам, правда, только многодетным семьям. Если же речь идет о матери-одиночке, то здесь государство в полной мере берет на себя функции отца, особенно если семья бедная. Новую семью даже и язык не поворачивается назвать неполной: в ней есть ребенок, мать и отец-государство. Правда этот отец тоже платит не сам, а перекладывает финансовый груз с отсутствующего отца на плечи других отцов и матерей — налогоплательщиков. Что это, как не патерналистское государство?!

Такая социальная политика заслуживает особого внимания, ибо в условиях нынешней массовой иммиграции порождает проблемы и усугубляет остроту демографического кризиса. У нас, насколько мне известно, эта проблема никем всерьез не ставилась, тогда как во многих западных странах она стала предметом довольно напряженной общественной дискуссии. Имеется в виду вопрос о том, откуда черпаются средства на поддержку семьи, которые предоставляет отец-государство, кому достаются эти средства и с каким эффектом они используются. Скажем, в Англии среди иммигрантов имеется значительная доля пакистанцев, у которых самая высокая в стране рождаемость и которые не в состоянии обеспечить свои семьи материально, в результате чего оказываются полностью зависимыми от социальных выплат. В целом в странах Западной Европы коренные жители либо вообще не пользуются, либо в очень ограниченной степени пользуются услугами социальной помощи, прежде всего потому, что размер ее по сравнению с нормальным доходом очень невелик. Она им просто неинтересна. Напротив, для иммигрантов эти суммы значительны, особенно если речь идет о неполной семье. В дополнение к социальной помощи женщины-иммигрантки берутся за какую-нибудь низкооплачиваемую работу и так сводят концы с концами. Рождение новых детей увеличивает размер пособия, так что плодovitость иммигрантских семей имеет не только традиционную культурную, но и экономическую основу. В результате складываются целые слои людей, живущих на пособие плюс случайные заработки, и, главное, находящихся в этом своем образе жизни вполне нормальным и терпимым.

Здесь говорится об иммигрантах, но на Западе растет слой, так сказать, туземного населения, которое также не желает работать и

полагает предоставление социального пособия святой обязанностью государства и общества по отношению к ним. Это очень настойчивые и даже, можно сказать, настырные люди, умеющие добиться реализации своих прав. Они широко пользуются телефонами доверия и услугами социальных агентств. Это не только женщины, но и мужчины, которых социальное государство (или «государство всеобщего благоденствия») превратило в этаких профессионалов несчастья. Для них государство тоже — отец. Дословная цитата из Хайнсона: «В таких социалистических странах, как Швеция, безымянный налогоплательщик совершенно естественно и непринужденно занимает место отца. И необходимость в отце постоянно растет, поскольку все попытки помочь жертвам в таких ситуациях ведут к воспроизводству поведения, порождающего жертвы. У того, кто долго пользуется услугами патерналистского государства, вырабатывается специфическая ментальность — с самых молодых ногтей человек привыкает быть зависимым от государственной поддержки. И чем дольше он полагается на заботу государства, тем менее он в состоянии заботиться о себе сам. Конечно, жизнь плодит несчастья и неудачи, но есть целые классы лузеров, которых порождает само социальное государство»¹⁴.

Но и для самого государства из этого возникают огромные проблемы, усугубляемые демографическим кризисом. Происходит старение населения (это особая тема, которую мы затронем ниже), падает рождаемость среди молодых коренных жителей, растут группы, целиком полагающиеся на пособие, *welfare*, и потому не участвующие в пополнении социального бюджета. Молодые стараются уехать в страны, способные обеспечить им возможность личностного развития и не возлагающие на их плечи обязанность заботиться о десятках тысяч практически нахлебников, чуждых им по происхождению, традициям, взглядам и образу жизни, то есть чужих вообще. Кто остается лояльным к «старой» Европе, замечает по этому поводу Хайнсон, так это те, кто живут на пособие. Просто в мире нет больше места, где им будут платить фактически только за то, что они размножаются. Все это порождает для социального государства практически неразрешимые проблемы.

¹⁴ Heinsohn G. A Continent of Losers.

Но и для семьи такая ситуация оказывается трагичной. Во-первых, как сказано, потому, что формируются целые классы профессиональных неудачников, не способных прожить без помощи извне. Во-вторых, и это еще хуже: такая политика государства становится не только средством сохранения семьи, но и стимулом к ее *разрушению*. Об этом хорошо говорит Больц: пособия от государства снижают затраты матерей на воспитание внебрачных детей и поощряют матерей отказываться от ведения совместного домашнего хозяйства с отцами их детей. Кроме того, они облегчают существование матери и ребенка после развода, если ребенок рожден в браке. В свою очередь отцы чувствуют меньшую ответственность за судьбу своих детей, которым государство в любом случае не даст бедствовать. Вообще, неполная семья становится, как мы уже отмечали, не бедой и бесчестьем, а реальной *опцией*, в пользу которой могут говорить многие обстоятельства, но в первую очередь систематическое обеспечение со стороны государства. Такое *негативное стимулирование* семьи идет рука об руку с сентиментальным воспеванием семейных ценностей в газетах и по телевидению. Но именно потому, что государство все более заменяет отца, фактическое отцовство, не сопровождающееся чувством ответственности, становится иллюзорной ценностью, заключающейся лишь в некотором эмоциональном переживании.

Поучительно сравнить ситуацию, описанную в этом и предыдущем разделах в основном применительно к европейскому социальному государству, или государству всеобщего благосостояния, с ситуацией в современной России, с одной стороны, и в ушедшем Советском Союзе, — с другой. Сначала о работе женщин. Мотивов работы женщин, в принципе, два: первый — это материальная необходимость, поддержка собственного существования и существования близких, второй — это стремление к самореализации, или, говоря социологически, соображения идентичности, статуса, престижа. Если поставить этот вопрос перед работающими женщинами, то чаще всего спонтанно на него будет дан первый ответ, хотя он не обязательно будет правильным, поскольку сама женщина прибегнет к самому простому ответу, для чего не придется анализировать такие абстрактные и не всегда осознаваемые вещи, как воздействие традиции, давление социальной среды, страсть к самореализации и т.д. На самом деле, когда ставится такой вопрос, любая рефлексия респондента приводит его к выводу о том, что главным мотивом к ра-

боте является стремление выразить себя, то есть самореализоваться. Далее женщина может, например, пояснить, что на этой работе она работает, конечно, из-за денег, но если бы удалось перейти туда-то или занять такую-то должность, она согласилась бы даже на более низкую зарплату. Разумеется, ответы будут варьировать в зависимости от страны, от социального класса (рабочие, служащие, лица свободных профессий, предприниматели), от возраста, типа поселения и т.д., а также от государства и системы общественного устройства. В Советском Союзе стремление самореализоваться не только поощрялось, но было, если можно так выразиться, принудительным мотивом труда. Борьба с тунеядством — хороший этому пример. Тунеядец рассматривался как некий социальный инвалид, ущербный член общества. Тем не менее стремление к труду не из-за денег существовало как реальный факт. Перевыполнение норм, рационализации, инновации часто оказывались целью в себе, а не средством разжиться дополнительными деньгами. Разумеется, такие мотивы имели больший вес у людей творческих профессий, но, в принципе, были распространены везде, поскольку обосновывались и подтверждались официальной пропагандой, обеспечивавшей общую идейную и эмоциональную среду советской жизни. Можно сказать, что трудовая мотивация советских женщин, в принципе, совпадала с трудовой мотивацией женщин в современной Европе, что, в общем, не удивительно, ибо мы имели дело с родственными общественными типами — индустриальными обществами, имеющими общее происхождение (так сказать, из духа модерна), обладающими во многом родственными друг другу идеологиями (социальная демократия и коммунизм), сходным типом социальной структуры и стратификации и многими другими сходствами, хотя и обладавшими существенными различиями. Но о различиях здесь говорить не место. Важнее общие моменты, обуславливающие единое, в принципе, отношение к труду.

В противоположность этому трудовая мотивация у женщин в современной России довольно сильно отличается от той, что была в Советском Союзе и есть ныне в Западной Европе. Она гораздо жестче и прагматичнее. Несмотря на то что Россия претендует на имя социального государства (этому посвящена специальная статья в Конституции РФ), общий низкий жизненный стандарт, неурегулированность трудовых отношений и следующий отсюда произвол работо-

дателей по отношению к работникам, слабость законодательной базы, злоупотребление чиновничеством, коррупция, разгул нелегального предпринимательства и нелегальной миграции и т.д. — все это делает Россию не столько социальным, сколько социал-дарвинистским по своей внутренней конституции государством. Это в значительной мере результат начала новой российской жизни под знаменем экономического либерализма, сопровождавшегося в 1990-е годы полным пренебрежением к государству, законам и морали. Поэтому, мне кажется, рано еще всерьез задаваться вопросом о том, какова мотивация работы женщин в новой России. Пока что она не сформирована полностью, хотя, как представляется, по мере подъема экономики и совершенствования системы социального обеспечения эта мотивация будет приобретать черты, родственные сегодняшней европейской.

Итак, женщина работает. И чем больше она вовлечена в работу, тем эгоцентричнее становится ее мотивация, а стремление к самореализации по мере его осуществления делает семью все более дорогим удовольствием. Дети обходятся все дороже, ибо на них уходит драгоценное рабочее время. Открывающиеся карьерные перспективы требуют женщину целиком, семья начинает восприниматься как обуза. Непосредственным результатом этого становится ограничение рождения детей. Новые дети уже немислимы, ибо это означает крах намечающейся или уже осуществляемой карьеры. А поскольку новых детей нет, расходятся и общие интересы супругов. В результате развод оказывается простым и беспроблемным, и разводов становится все больше. И теперь заколдованный круг замыкается, ибо женщина должна еще больше работать, поскольку уже не может полагаться на экономические возможности мужчины. Эта ситуация характерна и для современной Европы, и для современной России, и для Советского Союза. Разумеется, определенные отличия есть. В России, как и ранее в Советском Союзе, нуклеарная семья до сих пор не стала преобладающей по причине все еще недостаточной обеспеченности жильем, что часто обуславливает совместное проживание нескольких поколений в форме так называемой расширенной семьи, благодаря чему старшие родители могут приходить на помощь работающей женщине, целиком и полностью беря на себя заботу о детях. Но это не меняет ситуацию в принципе. Активная направленность на карьеру все равно исключает появление новых детей. Кроме того,

такое фактическое освобождение женщины от заботы о детях и доме ведет к кардинальному расхождению интересов супругов, а часто и к появлению у них отдельных кругов общения, новых друзей и сексуальных партнеров. Огромную роль при этом играет преданность женщины ее делу и идентификация с работой, что почти неизбежно вело и ведет к «служебным романам». Карьерное рвение женщины существенно ограничивает круг возможностей выбора сексуального партнера, и служебный роман становится почти единственной возможностью соединения рационально обоснованной преданности работе и карьере с чувственно-эмоциональной идентификацией с ней. Конечным пунктом такого развития часто, хотя и не обязательно, оказывается развод.

Все советское, а затем российское развитие, начиная с 60-х годов прошлого века вело к снижению, как говорят демографы, возраста брачности и увеличению коэффициента разводимости. Проще говоря, возраст первого вступления в брак снижался, а количество разводов на одно и то же количество браков увеличивалось. Обе эти тенденции свидетельствуют о снижении значения брака и супружества в нашей стране. Раньше относительно высокий возраст вступления женщины в первый брак (полвека назад — 23 с половиной года) объяснялся ответственностью и необходимостью серьезного обдумывания этого шага, за которым должны были последовать рождение детей и другие преобразования женского существа. К настоящему времени этот возраст снизился до 21 года. Поскольку тенденция снижения возраста брачности сопровождается значительным увеличением числа разводов, можно предположить, что эти две тенденции связаны: возможность развода делает брак менее ответственным шагом — ходом, который всегда можно взять назад, что, собственно, и происходит во все больших масштабах.

Не удивительно в таких обстоятельствах, что развод утратил негативный оценочный смысл, которым он обладал раньше. Еще несколько десятилетий назад развод был событием неординарным, распад семьи воспринимался как несчастье. Теперь же развод — банальное событие и, как правило, представляет собой не драму, а юридическое оформление давно уже сложившихся реальностей. Количество разводов стало гораздо выше. При этом не только в браке, но вообще при выборе партнера играет свою роль специфически современное соображение касательно того, что партнер-то мог быть и другим,

более того, его можно сменить на другого. Поэтому союз мужчины и женщины часто оказывается не более чем *формально не зарегистрированным сожителем*, которое хотя и носит вроде бы все необходимые черты брака (совместное хозяйство, эмоциональная близость и т.д.), но предполагает постоянную, хотя и не выражаемую открыто, готовность расстаться и, соответственно, не предполагает рождения детей. В Германии есть даже специфический термин для участников таких отношений: *Lebensabschnittspartner*, буквально «партнер на отрезок жизни», то есть не на всю жизнь, что предполагается традиционными представлениями о браке. Такое сожителство в Европе организуется гораздо легче, чем в России, а тем более в Советском Союзе, поскольку достаточная материальная обеспеченность работающих пар (*DINKS: Double Income, No Kids*), гораздо лучшие возможности обрести соответствующую желаним жилплощадь и минимум административных обязательств позволяют свести совместную жизнь в основном к светлой ее стороне и избежать темных сторон. Тем более что дети в таком сожителстве не предусмотрены, а если появятся тучки на горизонте совместной жизни, то можно расстаться так же легко, как соединились.

Не надо, однако, преуменьшать роли таких союзов. Они могут длиться десятилетиями, и партнеры могут любить друг друга и оставаться друг другу верными всю жизнь. Но все равно это — не семья, ибо дети, которые появились бы в таком союзе, не имели бы необходимого для полноценной семьи правового статуса.

Это эрзац семьи, так же показывающий снижение роли семьи в современной жизни. Но, конечно, выразительнее всего об этом свидетельствует увеличение числа разводов. Формируется своего рода роковой круг: разведенные заключают браки с разведенными, и это делает развод легким и иногда привлекательным выходом из любых жизненных трудностей. Не надо быть большим психологом, чтобы понять последствия такого развития. Чем легче развестись, тем меньше люди вкладывают труда и заботы в сохранение и поддержание собственной любви. Когда легко развестись, люди более склонны к конфликтам и менее склонны идти навстречу друг другу. Они могут подыскать себе другого партнера, который может оказаться лучше предыдущего, хотя, может быть, и хуже. Так или иначе, существует брачный рынок, который всегда готов предложить заинтересован-

ным лицам подходящий вариант¹⁵. Раньше о соответствующих институтах говорили как о рынке невест, а теперь, по причине достижения равенства с мужчинами, на брачном рынке выбирают и женихов. Больше того, на брачном рынке выбирают не только неженатые и незамужние, но и женатые и замужние. Последние, так же как и первые, предлагают себя как свободных и доступных. Брак — не препятствие. Супруги всегда открыты для новых связей, и эта открытость обеспечена, в частности, свободой развода. Таким образом, брак на время и развод играют конституирующую роль в структуре современных связей между мужчинами и женщинами.

Дети в таком браке только мешают. Для женщины выбор между детьми и карьерой тяжел потому, что дети снижают стоимость женщины на брачном рынке, а удачная карьера, наоборот, повышает. Чем меньше детей, тем легче развестись, и тем проще для разведенного найти нового партнера. Даже второй ребенок резко снижает шансы на новый брак. Поэтому нацеленный на карьеру временный партнер ориентируется скорее не на романтическую любовь, а на рациональную модель супружеского сожителства. Ибо романтическое увлечение можно себе безнаказанно позволить только в том случае, если оно не изменит твоего статуса: если из временного партнера, «партнера на часть жизни» не станешь родителем или родительницей. Брак как социальный институт потому и возник, что любовь не приходит надолго. И в этом есть глубокий социальный смысл. Как тонко отмечает Болыц, функция любви заключается в маскировке механизма принятия решения при поиске партнера. Поэтому влюбленность он предлагает считать своего рода механизмом остановки в процессе поиска партнера. И вот эти-то парадоксы любви теперь изживаются либо посредством брачного договора, либо путем временного партнерства. В обоих случаях партнеры сигнализируют, что их партнерство не навсегда. Таким способом они стараются обезопасить себя от разного рода капканов, расставленных на жизненном пути страстью и физиологией. Так что брачный рынок — это больше чем метафора.

Все это вместе и отражает современное отношение к браку, которое, в принципе, было одинаково и теперь одинаково и в Европе, и в России, и в Советском Союзе. Это прагматическое или, можно ска-

¹⁵ См.: Рошина Я.М., Рошин С.Ю. Брачный рынок в России. М., 2006.

зять, квазиэкономическое отношение к браку. Суть его состоит в подсчете затрат и выгод. Разумеется, это не какое-то формальное исчисление, не капитальный расчет. Сюда включаются факторы, имеющие уникальный характер и не конвертируемые в формальные единицы. Игруют роль и иррациональные факторы, такие как влюбленность или половое влечение. Тем не менее затраты и выгоды сопоставляются. Надо сказать, что так происходило практически всегда: во все времена ни один брак не заключался без рассмотрения всех «за» и «против» — уж очень серьезное это было дело. Но именно потому, что брак был серьезным делом, все «за» и «против» рассматривались с той точки зрения, что это настоящий брак, который заключается на всю жизнь, предполагает рождение детей и т.д. Сам брак предполагался как данность, а «за» и «против» касались конкретного партнера и конкретных обстоятельств. Теперь же расчет сплошь и рядом касается не только партнера, но и формы сожительства, в котором с ним будешь состоять. При таком расчете настоящая любовь, классический брак, рождение детей всегда экономически невыгодны. Достаточно взглянуть на статистику разводов, а может просто на жизнь своих сверстников, чтобы понять, что это слишком большой риск — инвестировать всю свою жизнь, все чувства, все ресурсы — в один союз.

Поэтому в начале современного брака — в западных странах очень часто, а у нас пока что лишь у самых «продвинутых» брачующихся, либо у тех, кому есть, что терять в браке (не невинность, конечно, имеется в виду, а миллионы долларов, дворцы и т.д.) — стоит юридически оформляемый брачный договор, представляющий собой, по существу, наряду с прочим, перечень условий и обстоятельств предстоящего развода. Развод, таким образом, закладывается в самое основание брака. А брак заключается не до тех пор, «пока смерть не разлучит нас», а на «отрезок жизни», размер которого будет определен соглашением экономически ориентированных договорных сторон. Кроме экономических условий развода, брачный договор предусматривает и обязательность исполнения супружеских обязанностей, в чем бы они ни состояли — в регулярном сексе или в регулярном приготовлении обеда из трех блюд. Собственно, в брачный договор может быть включено любое условие, не противоречащее российскому законодательству, с которым согласны обе стороны. Брачный договор — это не просто *сравнение* брака с договором; юристы так и по-

нимают семейную жизнь — как *длительное правовое отношение*, которое при известных обстоятельствах (например, несоблюдение обязательств одной из сторон) может быть разорвано.

Вполне естественно, что пары, заранее рассчитывающие на возможность развода (а таковых становится все больше по мере того, как брачный договор входит в нашу жизнь), реже заводят детей, ибо предвидят трудности, возникающие в связи с детьми при разводе и после него. Об этом свидетельствует и корреляция между количеством детей и вероятностью развода. Бездетные пары разводятся чаще, чем пары с одним или двумя детьми. Лишь три процента разводов приходится на пары с тремя и более детьми. Дети укрепляют брачные узы. Разводы и повышение их вероятности уменьшают количество детей. В результате страна впадает в демографический кризис, который государство стремится побороть мерами, разрушающими семью в тех группах, в росте численности которых оно заинтересовано, и поощряющими семью в тех группах, размножение которых грозит стать роковым если не для государства как такового, то для идентичности страны.

Чей ребенок?

Вопрос можно задать иначе: кому принадлежит ребенок: маме с папой или государству? Или он вообще никому не принадлежит, то есть принадлежит самому себе? Ответ на эти вопросы совсем не так очевиден, как может показаться с первого взгляда. Например, согласно учению мудрого Платона, изложенному в V книге «Государства», ребенок целиком и полностью принадлежит государству. Это естественный вывод из сформулированной им же идеи общности женщин. В идеальном государстве все жены принадлежат равным образом всем стражам государства. Соединение полов организуется правителями, причем так, что лучшие сочетаются с лучшими, а худшие — с худшими. Получающиеся дети передаются государству. Лучших детей оно воспитывает так, как считает нужным, худших — главным образом больных и умственно отсталых — обрекает на гибель. Эта общность жен и детей у стражей государства знаменует собой высшую форму единения его граждан.

В современном массовом обществе женщины также принадлежат всем. Никаких групповых, сословных, классовых ограничений на заключение браков не осталось, или же они остались только как некоторые рецедивы прошлых времен. Все могут сочетаться со всеми, но это только потенциально. В реальности функцию распределения женщин, точно так же, как и распределения мужчин, взял на себя брачный рынок (или шире: рынок партнеров). Поскольку государство не устраивает браки, то и детей оно себе не забирает. Но от этого, как говорится, не легче. Получается так, что *женщины отдают детей государству сами*. Ибо уже годовалых детей работающие женщины сдают в ясли, с чего начинается карьера «государственного» ребенка. По достижении определенного возраста он переходит в детский сад (иногда даже с недельным циклом!), затем, поступив в школу, занимается в группах продленного дня. На лето как детские садики, так и школы вывозят детей в летние, спортивные, краеведческие и прочие лагеря. Так что летом ребенок видит родителей еще реже, чем зимой. В результате оказывается, что примерно с одного года и до 16–17 лет, то есть практически весь период социализации, взросления, физического, морального, интеллектуального и гражданского созревания ребенок большую часть времени проводит не в семье в общении с любящими отцом и матерью, а в государственных детских учреждениях под руководством сертифицированных государством специалистов по уходу, воспитанию и образованию. Практически мы имеем дело с тем, что некоторые социологи и политологи называют *огосударствлением детей*.

Огосударствление детей почти полностью было осуществлено в Советском Союзе. Ясли, детский сад, пионерлагерь — все это были *не обязательные* — принуждения не было и в помине, — но по многим причинам практически неизбежные формы детской социализации. Создавая и делая массовыми эти детские учреждения, государство решало сразу множество задач: помогало бедным семьям (поскольку эти учреждения либо были бесплатными, либо плата была чисто символической), давало работающим женщинам время для достижения успеха и самореализации, а также воспитывало в детях правильное мировоззрение и готовность включиться в жизнь страны. В современных европейских государствах, понимающих себя как социальные государства, или государства всеобщего благосостояния — *welfare states*, именно эта сторона социальной политики Советского Союза

и других социалистических государств воспроизводится наиболее полно и последовательно. Классическая страна огосударствления детей — современная Германия. Профессор Берлинского технического университета Норберт Болц, на которого мы неоднократно ссылались выше, пишет в этой связи: «Создается иногда впечатление, что ГДР все-таки сумела одержать окончательную идеологическую победу — большинство политиков сегодня проповедуют огосударствление детей как некую самую собой разумеющуюся цель»¹⁶. Причем парадоксальным образом оказывается, что цели, которые ставит перед собой современное демократическое государство, проводящее такую социальную политику, в принципе, не отличаются от целей, которые ставило перед собой социалистическое государство — помощь бедным семьям и одиноким матерям, освобождение женщин от ухода за ребенком, чтобы они посвящали время профессиональной работе и карьере, а также *интеграция* детей в большое общество, то есть не что иное, как выработка в них правильного хода мыслей и готовности жить и трудиться сообща с другими. Такое положение характерно не только для Германии и вообще не только для Европы, а — с большими или меньшими отличиями — для всего цивилизованного мира. Огосударствление детей, то есть перекалывание на государство — и, соответственно, принятие на себя государством — заботы о воспитании детей и подготовке их к жизни начинает восприниматься как неотъемлемая обязанность государства наряду с другими его необходимыми для нормального функционирования общества обязанностями. Без этого не мыслится будущее. Социолог С.Н. Щеглова, проанализировавшая огромное количество произведений социальной фантастики советских, российских, американских, европейских, как классических, так и новейших авторов, пришла к ожидаемому выводу: «...писатели предполагают, что государство будет и далее вмешиваться в семейную сферу, связанную с детьми, включая рождение, воспитание, образование детей, постепенно расширяя сегменты этого вмешательства вплоть до возможного огосударствления детей»¹⁷.

¹⁶ Bolz N. Die Helden der Familie. S. 38.

¹⁷ Щеглова С.Н. Детство будущего. Опыт проведения качественного исследования по произведениям социальной фантастики. URL: http://www.childsoc.ru/doc/child_future.pdf.

Я употребил относительно этого вывода слово «ожидаемый», поскольку было бы трудно ожидать чего-то иного, имея в виду все, что сказано выше о направленности социальной политики государства в отношении семьи и деторождения. Естественно, так же государство строит и определяет и политику в отношении воспитания и образования детей. Все это относится, скорее, к Советскому Союзу и странам современного западного мира, то есть к странам, обладающим относительной стабильностью в политическом и идеологическом отношениях. Россия до сих пор такой стабильности, кажется, не обрела. Наверное, поэтому иногда в газетах, на телевидении и в ученых дискуссиях можно встретиться с мнением о том, что как дошкольные учреждения, так и школы должны быть идеологически нейтральными и не должны детям что-то «навязывать». Это, конечно, довольно наивное мнение. О детских учреждениях, наверное, можно спорить. Но школа всегда и всеми государствами понималась как агентство, наделенное полномочиями для выполнения определенной социальной задачи, и задача эта всегда диктовалась конкретными социальными и историческими обстоятельствами. Не будем вдаваться в детали, скажем лишь, что, например, в Германии в течение XX века были как минимум три эпохи, когда полностью менялось содержание и цели школьного образования: до 1933 года, с 1933 по 1945 год, и после 1945 года. После 1945 года задачей школы было изживание нацистского наследия и внедрение в головы нового поколения демократических ценностей. Кто бы мог сказать, что эта школа, а также и современная школа в ФРГ идеологически нейтральны!? То же происходит в США и других странах Запада. Следует говорить не об идеологической нейтральности, а о меньшей или большей степени идеологической и политической ангажированности. Очевидно, что именно на школу России сейчас возложена задача преодоления советского прошлого, которое многими способами воспроизводится в сознании и душах не только пожилых людей, но и молодого поколения. Школа уполномочена на создание, так сказать, нового человека с новым мировоззрением, соответствующим новому историческому этапу жизни страны.

Именно поэтому столь горячими и острыми оказываются схватки по поводу содержания и направления школьных учебников, особенно учебников истории. Кажутся, мягко говоря, наивными высказываемые иногда отдельными либеральными «педагогами-

новаторами» соображения о том, что школьники сами должны выбирать себе мировоззрение, образ истории, исторические оценки и, соответственно, учебники. Поэтому пусть расцветают сто цветов, то есть пусть будет много разных учебников, по-разному освещающих отечественную и мировую историю, а школьники, мол, сами выберут те, что им кажутся правильными. Это просто чепуха. Для того чтобы выбрать один учебник, надо прочитать все. Кроме того, школьники сами ничего не выбирают, выбирают местные чиновники, а в лучшем случае родители. И, наконец, надо понимать, что горестна будет судьба страны, в разных частях которой история будет преподаваться по-разному. Особенно это относится к России с ее сложной историей и национальным строением. Можно даже сформулировать рецепт в модном жанре политической технологии: *хочешь развалить страну — сделай свободным преподавание истории (а также общественно-знания) в школе*. Именно школа должна выработать в ребенке правильный взгляд на мир, сформировать основы национальной и гражданской идентичности, и внушить ему как абсолютные истины принципы политического и правового устройства страны и мира. Это важнейшая социальная задача, которую не в состоянии выполнить никакая другая институция, кроме школы. Надо быть не либералом, а идиотом, чтобы требовать идеологической нейтральности школьного образования.

Но школа — это уже один из завершающих этапов создания «огосударственного», то есть сформированного обществом и государством ребенка. Начало процесса — ясли и сад. В общем-то, при всей сложности мотивов работы женщин всегда действует и простейший мотив: отдать ребенка в детсад, который дотируется государством, дешевле, чем заниматься им самой. А самой можно идти работать. В результате не только будет удовлетворяться страсть к самореализации, но и доход семьи существенно возрастет. Простой расчет затрат и выгод показывает, что ребенка нужно сдать. Государство всецело идет навстречу. Другое дело, что экономические рычаги, к которым прибегает государство в своей *борьбе за ребенка*, формируются из средств налогоплательщиков, в частности тех самых родителей. Несколько упрощенно схему всего процесса можно выразить так: государство «выкупает» детей у родителей на средства, которые собраны с тех же самых родителей в виде налогов. Налоги отчисляются из оплаты труда родителей. Так формируется заколдованный круг

социальной политики государства в отношении семьи. Ее результат — эмансипация женщин, разрушение семьи и огосударствление детей.

Вокруг этой политики складывается целая экономика и целая идеология. В развитых странах давно уже возник гигантский «рынок заботы» с оборотами в сотни миллиардов долларов. Это забота и уход за детьми, забота и уход за больными и инвалидами, забота и уход за стариками. Но это не только рынок труда, где постоянно требуются помощники, нянечки, медсестры, педагоги, социальные работники. Это и рынок «объектов ухода», постоянно и быстро пополняющийся. Пополнение происходит за счет людей и вещей. Постоянно растущая индустрия социальной работы создает все новые и новые категории страждущих, к которым могут быть применены новые научные и технологические разработки. Эту тему мы уже затрагивали выше. О женах, мучающихся из-за измены мужей как объектах помощи, оказываемой социальными работниками, мы не говорим. Это устаревшая новость. Недавно, например, появилась такое новое направление социальной работы, как реабилитация спортсменов, переживших фрустрацию по причине проигрыша на состязаниях. Потенциально объектом помощи социальных работников может стать любой человек, поскольку любой человек испытывал или испытывает негативные эмоции. Но и предметы могут быть объектом заботы — достаточно вспомнить всем известные игрушки «тамагучи». Фирма «Сони» недавно построила робота-собаку, уход за которым гораздо проще и приятнее, чем за реальной собакой, ибо все создаваемые собакой проблемы он создает, так сказать, по согласованию с хозяином. Роботостроение вообще с легкой руки японских дизайнеров превратилось в мощную отрасль на рынке заботы, причем речь идет не только о роботах, которые заботятся (больничные роботы, скажем, выполняющие самую грязную и неприятную работу), но и о роботах, *о которых заботятся* — заботятся те, кому не о ком стало заботиться. Этот рынок, точнее рынки заботы и ухода — *markets of care* — давно уже сформировались и процветают, например, в Америке. У нас в стране они еще не сформированы и не осознаны как таковые, но даже появляющиеся иногда на страницах печати сведения о злоупотреблениях в сфере соцобеспечения, куда относятся дома престарелых, переименованные ныне в интернаты для пожилых людей, и самые разнообразные детские учреждения, как государствен-

ные, так и частные, — эти сведения и приводимые при этом цифры дают косвенное представление о том, какие гигантские средства вращаются в этой сфере.

Экономика, а также идеология социального государства делают огосударствление детей, а также и все частные его аспекты — ясельное содержание детей, отправление их в детские сады с недельным циклом или в школы-интернаты при здравствующих и процветающих родителях — предметом того, что антропологи называют *позитивным табу*¹⁸. Это значит, что обо всем этом нельзя говорить иначе, чем в позитивном ключе. То есть как о покойнике — либо хорошо, либо ничего. Политически некорректно указывать на выводы Фрейда, а также и огромного множества детских психологов, показывающих, что отношения матери и ребенка в самом раннем детском возрасте играют огромную роль в формировании человеческой личности. Не следует спрашивать, каково приходится ребенку, оторванному от матери, и достаточно ли для его развития квазилюбви и квазизаботы воспитательниц и нянечек. То же самое позитивное табу проявляется и в отношении матерей, перепоручающих другим женщинам заботу о собственных детях. «Как раньше мужья хвалили своих жен, говоря, что они чудесные матери, — пишет Болц — так теперь работающие женщины превозносят до небес своих нянь и «бэбиситтеров». Такими похвалами они как бы удостоверяют, что им и нет необходимости заниматься детьми, что проблем нет, все и так идет замечательно». Это естественно, что работающая мать придерживается точки зрения, согласно которой родители не должны обязательно сами воспитывать, любить и растить собственных детей, и она никогда не согласится с тем, что таким образом она вредит своему ребенку. Но так же естественно, что родители, которые любят своего ребенка и делают для него все возможное, утверждают, что никакая сфера услуг не даст ребенку того тепла и той любви, что необходима для счастливого детства и взросления. Это спор не теоретический, а затрагивающий как очень глубокие струны человеческого существования, так и жизненные основы общественной и государственной организации. Поэтому и окончательного теоретического ответа на него найти не удастся и вряд ли когда-нибудь удастся.

¹⁸ На эту сторону дела, то есть на разные аспекты субъективной и «объективно-научной» легитимации такой политики, обращает внимание Н. Болц. См.: Bolz N. Die Helden der Familie. S. 50–55.

Но это все, так сказать, перспектива, в центре которой государство и родители. Что происходит в этих обстоятельствах с самим ребенком? Где-то в 1960-е годы была популярна книжка для младшего школьного возраста, которая называлась «Витя Малеев в школе и дома». Школа и дом считались симметричными сферами, в которых разворачивается жизнь ребенка. Теперь картина усложнилась и изменилась. Во-первых, ребенок, приходящий домой после целого школьного дня, не имеет возможности узнать дома «семью», он оказывается там в некотором роде лишним, ибо родители либо еще на работе, либо, если они уже дома, то переживают дома не семью, а работу. Во-вторых, семья дома оказывается организованной вокруг телевизора, где — в отличие от самой семьи — протекает активная и полноценная, пестрая и конфликтная семейная жизнь в многочисленных и бесконечных «семейных» сериалах, снимаемых по типу бессмертной американской серии «Женаты и с детьми». Телевизионная семья оказывается более реальной, чем настоящая. Как пишет Больц в другой связи, настоящая семья молча сидит перед телевизором, где веселится, спорит, ругается другая, придуманная семья¹⁹. То есть семейная жизнь исчезла из дома и оказалась перемещенной в телевизионное зазеркалье.

Ребенок оказывается живущим в трех средах: своя семья дома, искусственная семья в телевизоре и школа, которая оказывается своего рода эрзац-семьей, выполняющей функции семейного воспитания и заботы. Ясно, что своя собственная семья — слабейшее звено в этой воспитательной цепочке. Потому что вечером, вернувшись из школы, ребенок встречает родителей, испытывающих чувство вины за то, что, будучи день и ночь занятыми собственной карьерой, они не могут уделять ему должного внимания, а потому для сокрытия этого чувства вины восхищаются его независимостью и самостоятельностью, то есть, по существу, его способностью обходиться без них, без родителей. Такие родители, конечно же, обеспечивают демократическое воспитание и демократические отношения между родителями и детьми. Это чаще всего происходит в семьях среднего класса, которые лучше всего представляют семью по умолчанию и ее эгалитарные, демократические черты. По отношению к ребенку эти эгалитаризм и демократизм объясняются, в частности,

¹⁹ Больц Н. Азбука медиа. М., 2010.

тем, что родители не могут требовать от ребенка выполнения каких-то предписаний и норм, если они сами не способны выполнить свои обязательства перед ребенком. Они как бы говорят ребенку: мы позволяем тебе делать, что хочешь, потому, что нам недосуг учить тебя тому, что нужно. Так складывается неавторитарная атмосфера в семье, которая, с точки зрения воспитания ребенка, приводит, скорее, к негативным, чем к позитивным последствиям. Ее подлинная задача — не столько усовершенствовать семейное воспитание, способствуя свободной ненасильственной реализации детских способностей и талантов, сколько помочь родителям избавиться от чувства вины по отношению к ребенку. Да, мы, может быть, и не уделяем тебе должного внимания, но мы ведь и ничего от тебя не требуем. Своего рода латентный, а иногда даже просто неосознаваемый обеими сторонами договор родителей и ребенка: мы не беспокоим тебя, а ты не беспокоишь нас. А в результате по-настоящему функцию социализации детей выполняет виртуальная семья в телевизоре и квазисемья в школе. Разумеется, семьи, где ребенок оказывается в такой ситуации, либо со всем этим не согласятся, либо рационализируют свои мотивы, говоря, например, что ребенок должен учиться быть «самостоятельным», что без окружения сверстников он вырастет маменькиным сыночком, что он должен научиться жить в коллективе и т.д. Часто мать делает шаг еще дальше в том же направлении и оправдывает отсутствие интереса к собственному заброшенному ребенку, хваля его за «самостоятельность», такую редкую в его возрасте.

Так дети научаются обходиться без родителей. И снова актуален вопрос, стоящий в заголовке этого раздела: чей ребенок? Можно сказать, что ничей. Такие дети без родителей, подмечает Больц, стали героями многих детских книг и фильмов. Это и Кевин из фильма «Один дома», это и Пеппи — длинный чулок, и главный современный детский герой Гарри Поттер. У них есть родители, но они где-то на заднем плане и никакой роли в жизни детей не играют. Эти дети умеют обходиться без родителей. А реальные дети читают книжки, где родители отсутствуют, и им кажется, что это правдивые книжки. В результате происходит окончательное отделение детей от родителей. И никому, кроме государства, эти дети оказываются не нужны.

Ювенальная юстиция

Если бы я решил снабдить каждый раздел статьи эпиграфом, то эпиграфом к этому разделу стало бы услышанное мной однажды обращение пилота к пассажирам на лайнере одной зарубежной авиалинии. Он начал так: Ladies and gentlemen! Girls and boys! В самолете если и были дети, то не больше, чем на любом дальнем рейсе. Такое обращение можно было бы считать забавной шуткой, но на самом деле, как станет понятно далее, это один из мощных громыхающих шагов идеологии политкорректности, на этот раз устанавливающей новые правила жизни ребенка в мире.

Мы сказали, что огосударствление детей — это сердцевина государственной политики в отношении семьи. Мощным орудием этой политики является действующая сегодня в большинстве стран Запада и энергично пропагандируемая в России, впрочем, не только пропагандируемая, но уже в экспериментальном порядке введенная в некоторых регионах, так называемая ювенальная юстиция. Ювенальная юстиция — это не что иное, как система государственных органов, занимающихся делами несовершеннолетних. Можно различать ювенальную юстицию в широком и в узком смысле слова. В узком смысле слова — это специализированная ветвь судебной системы, в широком смысле — целая сеть организаций (надзор за содержанием детей, исполнение судебных решений и т.п., а также и собственно судебная часть), призванных обеспечивать права детей. Учреждение не так давно должности Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ представляет собой едва ли не решающий шаг в создании системы ювенальной юстиции в России, во всяком случае, дает ясный сигнал относительно намерений властей и направления дальнейшего развития. В качестве общей основы берутся документы ООН, прежде всего Конвенция о правах ребенка, под которой стоит наряду с другими подписями и подпись России, а в качестве организационно-правовой модели — ювенальная юстиция одной из стран Запада. Разумеется, эта работа не сводится только к созданию уголовных судов для несовершеннолетних. Предстоит создание ювенальных гражданских судов, особой системы исполнения наказания для несовершеннолетних, механизмов решения социальных вопросов, связанных с несовершеннолетними, лишенными родительского попечения, в том числе и в случаях лишения родителей родительских прав. При

этом предполагается расширение полномочий социальных служб, которым, по существу, предстоит контролировать родителей в области исполнения ими родительских обязанностей, в том числе и по обращениям самих детей. Предполагается также учет медицинских вопросов, в частности сексуальное просвещение детей и планирование семьи. При этом мнения юристов, как и мнение публики, относительно пригодности и уместности ювенальной юстиции в России далеко не однозначны. Первые шаги ее внедрения в практику российской жизни привели к множеству скандальных решений, прямо истолкованных общественным мнением как грубейшее вмешательство государства в лице чиновников в дела семьи и в частную жизнь детей и взрослых, а также как легитимация явлений и событий, категорически неприемлемых с точки зрения общественной морали. Вообще целый ряд скандалов, связанных с детьми и особенно активно обсуждающихся сегодня в СМИ — результат деятельности ювенальной юстиции как в России, так и в Западной Европе и Америке²⁰.

Можно подумать, что ювенальная юстиция представляет собой некое абсолютное нововведение — одну из инноваций, о которых так печется ныне руководство страны. Конечно же, это не так: как и в других странах, в России с самых давних времен существовали органы и службы, как судебные, так и социальные, специально занимавшиеся делами несовершеннолетних. Нововведением для России является правовая база, в которой совершенно *по-новому определяется социальный и правовой статус ребенка*. Новым является также суще-

²⁰ Например, недавние решения ювенальных судов во Франции и Финляндии. Во Франции речь шла о том, должен ли проживать ребенок с французским отцом или с русской матерью, и суд принял, на взгляд российской стороны, очевидно несправедливое и очевидно идущее во вред ребенку решение. См. об этом подробное интервью матери — актрисы Натальи Захаровой: Ювенальная юстиция или ювенальная диктатура (URL: <http://www.pravoslavie.ru/guest/080131143826.htm>). В Финляндии в похожей ситуации суд также принял решение в пользу финского отца. Кроме того, в другом случае в Финляндии по решению суда ребенок был отобран у родителей — русской матери и финского отца — и помещен в приют, поскольку было зафиксировано нарушение родителями его гражданских прав, заключающееся в шлепках по заднице. В России в последнее время зафиксировано огромное количество случаев изъятия детей из семьи по постановлениям ювенальных судов. Документация ведется на сайте «Русская линия» (URL: http://www.rusk.ru/tema/obwestvo/yuvenal_naya_yusticiya/).

ственное расширение на этом основании прав социальных служб и судебных органов в распоряжении судьбой детей и родителей.

В основу ювенальной юстиции ложится принятая ООН «Конвенция о правах ребенка». Это очень любопытный документ. Идеологически он представляет собой сочетание резко индивидуалистически звучащих *либеральных* тезисов, в частности о ребенке как носителе универсальных прав человека, и вполне *социал-демократических* (если не вообще коммунистических) по звучанию и происхождению идей о вмешательстве государства в отношения семьи и детей. В результате оказывается, что согласно этой доктрине прав ребенка есть две приоритетных инстанции — ребенок и государство. К семье же авторы документа относятся с подозрением и недоверием: она должна выполнять функцию предоставления ребенку необходимых для его развития ресурсов и как таковая подлежит постоянному контролю со стороны государства. Молчаливо предполагается, что государство лучше знает, что нужно ребенку, и вообще может *лучше, чем семья, выполнять функции семьи*. Несколько забегаая вперед, отметим, что эти не сформулированные прямо и явно в документе предпосылки отчетливо и грубо воплощаются — и не только у нас в России — в работе социальных служб и ювенальных судов.

Это общая характеристика документа. Можно разъяснить эти суждения, указав, в чем состоят, например, информационные права ребенка. «Ребенок имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка»²¹. Эта статья фактически отнимает у родителей право контролировать чтение ребенка, его путешествия по интернету, да и вообще его занятия, склонности и интересы. Вопрос о какого-то рода разумных ограничениях свободы ребенка со стороны семьи в документе вообще не ставится. Можно задать тысячу вопросов. Если, например, ребенок хочет смотреть порносайты в Интернете, могут ли родители ему это запретить? Согласно букве конвенции, нет, не могут. Приведенная выше статья звучит вполне однозначно и не содержит оговорок.

²¹ Здесь и далее цитируется документ, принятый 30 лет назад и представленный на сайте российского представительства ООН (URL: <http://www.un.org/russian/document/convents/childcon.htm>).

Далее: «Государства-участники признают право ребенка на свободу ассоциации и свободу мирных собраний». То есть не дело родителей контролировать, куда ребенок ходит, кого слушает и с кем общается. Далее: «Ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию. Ребенок имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательства». Обратим внимание, что здесь не оговорены никакие исключения для родителей. Конечно, родители бывают разные — бывают и такие, которые беспардонно вмешиваются в интимные стороны детского существования. Конечно, чужие письма читать нельзя, но это не «чужие», а собственные дети, и родители хорошо знают, что чтение какого-нибудь письма или просто записки, имеющей отношение к сыну или дочери, может предотвратить большую беду. В отношениях между близкими людьми это вопрос такта и взаимного уважения, а не законодательного регулирования. Если же следовать конвенции, то ребенок и родители — это не «родные люди», как считалось испокон века, а партнеры в законодательно регулируемом отношении. В предыдущем разделе мы показывали, что брак — уже не вечный союз, заключенный на небесах, а договор сторон, принявших на себя определенные обязанности и ограничения, на юридическом языке «сделка под условием». Выясняется, что такой же характер теперь приобретают, согласно требованиям ювенальной юстиции и современной идеологии семьи вообще, и отношения родителей и детей.

И разумеется, авторы конвенции не забыли указать, что «государства-участники принимают все необходимые меры для обеспечения того, чтобы дети, родители которых работают, имели право пользоваться предназначенными для них службами и учреждениями по уходу за детьми». Замечательно, что это формулируется как *право детей* — право детей быть разлученными с матерью. Непонятно, чего больше в этом документе — лицемерия или жестокости по отношению к семье.

Разумеется, в конвенции с избытком хватает разных высоких слов о том, что все это — «в наилучших интересах детей», не должно противоречить требованиям морали и нравственности, потребностям охраны природы и поддержания общественного порядка, направле-

но на защиту душевного и морального здоровья детей и т.д. и т.п. Но в реальной практике ювенальной юстиции все эти высокие слова становятся объектом *практических интерпретаций* судей и социальных работников, которые на основе своих, иногда не совсем адекватных представлений о должном и возможном, о том, какой должна и какой не должна быть семейная жизнь, о том, что вредит ребенку, а что не вредит и т.д., принимают роковые для детей и семей решения. Хотелось бы в этой статье остаться на теоретическом уровне, исследуя развитие представлений о семье *sine ira et studio*, но невозможно не привести следующий фрагмент обоснования судебного постановления по делу директора школы-педофила в Ленинградской области, который, в частности, занимался изготовлением детской порнографии. Суд рассмотрел факты порнографических съемок тринадцатилетнего мальчика и счел, что «...во время фотосъемки полового возбуждения у него не возникало, какой-либо нездоровый сексуальный интерес не пробудился, какого-либо нарушения нормального сексуального развития не последовало»²². Педофил был оправдан. Можно сказать, конечно, что это судебное решение нарушает не только законы страны, но и нормы здравого смысла, и нельзя его ставить как пример действия ювенальной юстиции. На мой взгляд, все-таки можно, поскольку ее краеугольным камнем является неотъемлемое право ребенка, в том числе и тринадцатилетнего, на получение информации, в том числе и о половой сфере, и выбор форм и групп общения. Лишение его этой свободы противозаконно. Это то самое необходимое основание, которое *легитимирует абсурдный приговор*. Точно так же противозаконно содержание детей в условиях, делающих невозможным их полноценное развитие. Соответствующая статья имеется в конвенции о правах ребенка. На Ставрополье мать, одна воспитывающая шестерых детей, написала прошение о предоставлении жилплощади, поскольку семье было мало трех комнат, выгороженных в бывшей конюшне. Реакция соответствующих органов последовала быстро: органы опеки признали жилплощадь не соответствующей требованиям содержания детей и ... по решению суда мать лишили родительских прав, и отняли детей, поместив их в приют. Потребовалось несколько лет и усилия десятков людей по

²² См. об этом: Верещагин О.Н. И нет защитников тебе. URL: http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/zashytnyk.shtml.

всей стране, включая аппарат Уполномоченного по правам ребенка, чтобы это неправоудное, но *идеологически легитимное* решение было отменено.

Это только отдельные примеры, в целом же ювенальная юстиция ярко выражает в себе все современные тенденции семейного развития, о которых мы говорили выше: ослабление семейных связей, разделение деторождения и материнства, освобождение женщины от семьи и, как конечная цель, огосударствление детей. Получается, что утопия Платона становится реальностью. И это без всякой иронии, и иногда даже кажется — без преувеличения.

Продуктивные, но бесплодные

Констатируя наличие такой тенденции — огосударствления детей — я вовсе не намерен предаваться модному ныне в России занятию — якобы либеральной критике государства за то, что оно, мол, стремится захватить в свои загибающиеся лапы все, что только может, и даже детишек — нашу гордость и надежду. Если оставить сейчас в стороне идейные истоки этой тенденции, а взглянуть на современную ситуацию, то легко обнаружить — и об этом уже говорилось выше, — что принятие государством на себя обязанности воспитания и образования детей — это не только и не столько результат его, государства желания и стремления, сколько жестокая необходимость, вызванная тем, что, кроме государства, дети оказываются, по существу, никому не нужны. Конечно, не надо истолковывать это суждение в буквальном смысле, как относящееся к каждой семье, каждому родителю и к каждому ребенку. Каждый родитель очень любит детей, каждая семья любит детей и заботится о них изо всех возможных сил, каждая женщина чувствует себя несчастной, если у нее нет детей, а каждый мужчина, еще не произведший на свет ребенка, в мечтах представляет себя гордым отцом. Вот только детей рождается все меньше и меньше. По данным, относящимся к одной из стран старой Европы (а эти данные сопоставимы с российскими), сейчас у каждой ста женщин рождается 66 дочерей, 44 внучки и 29 правнучек. А когда эти дети, эти внучки и правнучки, внуки и правнуки рождаются, родители как можно быстрее переключаются на услужливо

подставленные руки государства. На вопрос «чей ребенок?» придется ответить «ничей», он не нужен никому, кроме государства. Это и есть основная причина огосударствления детей.

У этой нелюбви к рождениям есть два глубоких основания. Первое — идеология самореализации, о которой мы много уже говорили выше. Вторая, о которой мы говорили меньше, — включение семьи и детей в экономическую калькуляцию жизни. С самореализацией это тесно связано. Повышение статуса предполагает рост доходов. Рост доходов предполагает повышение статуса. Поэтому самореализация — это еще и экономическая категория. Брачный рынок, как говорилось выше, побуждает не устанавливать прочных связей и не иметь детей. И то, и другое понижает ценность индивида на брачном рынке, в результате чего он может рассчитывать лишь на менее качественного партнера, а соответственно, на менее качественный стиль жизни с этим партнером и т.д. Женщина с детьми на брачном рынке — это *second hand* на рынке, рекламный слоган которого, как, впрочем, и любого современного рынка, — «все самое новое и лучшего качества». Это не циничное суждение, а экономическое суждение. «Мне не ужен *second hand*, покажите мне новую коллекцию!», — скажет покупатель. «За такой товар слишком дорого!» — скажет он, и будет прав, потому что вырастить ребенка и дать ему образование сегодня — это предприятие, требующее не только титанических усилий (так было всегда с детьми), но и титанических затрат. Дети, кроме того, что их рождение круто меняет весь мир интересов и ценностей родителей, — это еще и самая крупная и с каждым годом растущая статья в бюджете семьи. Поэтому нормальная современная семья не может позволить себе много или даже несколько детей просто по экономическим причинам. Государственная помощь не решает основных проблем. Она приходит на самом начальном этапе (сейчас это материнский капитал, льготы в приобретении жилья, материнские пособия разного рода), но основные затраты, возникающие по мере взросления ребенка, несут сами родители.

Поэтому-то женщины и выбирают вместо ребенка карьеру или развлечения (новая машина, поездка в Гоа или на Мальдивы), а вместо деторождения — безопасный секс, в лучшем случае, или аборт — в худшем. Ну, а когда ребенок рождается, он сдается на руки государству. Таким образом, круг замыкается. В этом состоит одна из главных несправедливостей современного развития — *не естественное*

неравенство, а именно человеческая несправедливость, потому что, несмотря на стихийность и неумолимость экономического развития, в руках политиков и менеджеров всегда было очень много рычагов, позволяющих *не перераспределять* общественный продукт в пользу семьи, *а инвестировать* его в семью. Ибо семья работает на все общество, внося огромный вклад в формирование будущего человеческого капитала. Затраты, связанные с выполнением семейных и родительских обязательств, никогда и никем толком не подсчитывались и оцениваются приблизительно и на глазок. Тем не менее эти суммы в разных странах исчисляются триллионами рублей, долларов и евро. Сюда входят затраты не только на питание, одежду и обувь, другие текущие затраты, но и очень высокие затраты на медицинское обслуживание и образование. И затраты эти делаются только родителями. Это инвестиции, причем инвестиции не столько в собственное будущее (современные системы социального обеспечения в развитых странах позволяют родителям не зависеть от детей в экономическом смысле), сколько в будущее страны. И тем не менее эти гигантские родительские затраты остаются вознагражденными обществом. В частности потому, что эти родительские инвестиции через посредство систем социального обеспечения уходят также и на финансирование пенсий тех, кто, «лето красное пропев», так и остался бездетным, а также и на пенсионное обеспечение и финансирование социальных пособий для миллионов иммигрантов, что не смогли или не захотели найти себе место в новой стране. Родители — это те, перед кем современное общество в неоплатном и, как ни горько, в не подлежащем оплате долгу, настоящие скромные герои. Не случайно профессор Больц, неоднократно цитированный выше, по сути дела, им, родителям, посвятил свою книгу о современной семье, назвав ее «Герои семьи».

Нынешняя ситуация со стоимостью выращивания ребенка ни у нас в стране, ни в других странах так полностью и не осознана. При этом ситуация эта весьма и весьма противоречива. Мы рассуждали выше о том, что семейный, в частности, родительский труд оказывается безвозмездным трудом, не пополняющим национальное богатство. Это старая как мир истина. Часто цитируют национал-эконома конца XIX столетия Фридриха Листа: «Кто выращивает свиней, — тот продуктивный член общества, кто выращивает людей, — тот непродуктивный». А пока эта проблема несовпадения и даже

противоположности продуктивности и репродуктивности не решена, налицо оказывается ситуация, когда родительский труд действительно монетаризируется, но причудливым и даже извращенным образом, например, когда домработница или няня убирает квартиру, готовит еду, ухаживает за ребенком и, естественно, получает за это деньги, в то время как другая женщина, скажем, няня или воспитательница в детском саду также занята уборкой, приготовлением пищи и уходом за ребенком той самой домработницы. В результате струятся денежные потоки, бюджет получает налоги (это в идеале, в России домработницы и няни платят их очень редко), растет ВВП. То есть национальное богатство вроде бы растет. И домработница и няня в детском саду — обе являются производительными членами общества. В то же время страдает семья, которая постепенно начинает рассматриваться как некий отягощающий придаток к профессиональной работе, и страдает будущий человеческий капитал, который в условиях, когда воспитание ребенка и вообще семейная жизнь отданы, так сказать, на аутсорсинг, выставлены на рынок, и, будучи исполняемы людьми, целью которых в конечном счете является только получение дохода, существенно теряют в качестве.

В общем, ситуация такова, что семейный и родительский труд не делает человека полезным членом общества, а делает его таковым только работа с целью получения дохода. Такая работа есть центральный фактор социальной жизни человека, который структурирует и определяет смысл всех прочих обстоятельств жизни. Именно поэтому молодые матери, отсидев положенный срок послеродового отпуска, спешат немедленно устроиться на работу, и именно поэтому всеобщим признаком успеха и благополучия в семейной политике является достаточное количество детских садов и школ с продленным днем, короче, учреждений, где дети проводят целый день, обеспечивая родителям возможность беспрепятственного выполнения своих рабочих дел. В результате дети есть, но их как бы и нет. Вопрос о том, как все это отражается на детях, — неполиткорректный вопрос. Во всяком случае, эта стратегия в экономической и семейной политике считается идеальной. Проблемы обсуждаются только тактические: потребное количество детских садов в расчете на тысячу детских душ, их размещение и т.п. Главное, чтобы женщины могли не отягощаться мыслями о детях, выходя на рынок труда.

Большой пишет: чем успешнее экономика и чем образованнее женщины, тем бесплоднее нация, *чем продуктивнее женщина, тем она менее репродуктивна*. Это относится и к индивидуальной женщине, и к обществу в целом. Индустриальные общества крайне продуктивны, но они же слабо воспроизводятся. Последние десятилетия и Запад, и Россия в том, что касается рождений, находятся в депрессивном стоянии. Практикуемая там социальная политика не может изменить положение дел, наоборот, она его усугубляет. Результатом этой соглашательской и, главное, всех устраивающей политики стал все более осознаваемый кризис семьи и демографическая катастрофа, или, как определил это Хайнсон, демографическая капитуляция Европы. Даже трудно представить себе, как можно поправить дело — нет реальной политической или экономической альтернативы. Можно восклицать «Назад к семье!» или «Назад к семейным ценностям!», но от этого ближе к ним не станешь. Вернуть женщин и детей в семью уже не получится. Это было бы коренным переворотом в идеологии современного мира — отрицанием императива самореализации, и если бы даже кто-то захотел и попытался это сделать, то такого насилия не вынес бы рынок труда, что привело бы к коллапсу экономики. Но если бы семью удалось включить в экономический процесс, то есть монетаризировать работу по дому и по уходу за *своим* ребенком — это, вроде бы, позволит женщине самореализовываться, то есть становиться «полезным членом общества», прямо в семье, — то это, скорее всего, разрушило бы сам институт семьи.

Препринт WP14/2010/03
Серия WP14
Политическая теория
и политический анализ

Ионин Леонид Григорьевич

**О принципах современной политики
в области семьи и демографии**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии Государственного университета –
Высшей школы экономики с представленного оригинал-макета

Формат 60×84 1/16. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,7

Усл. печ. л. 3,5. Заказ № . Изд. № 1177

Государственный университет – Высшая школа экономики.
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Государственного университета – Высшей школы экономики.

Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73